

**КОГДА
ЭКСПЕРТИЗА
СТАНОВИТСЯ
ПРИГОВОРОМ**

ДИЛАН ПРАЙС

Когда экспертиза становится приговором

Дилан Прайс

Данное издание представляет собой документально-аналитическую и правозащитную работу, основанную на открытых источниках, включая опубликованные документы, судебные акты, публичные заявления, сообщения СМИ, научные публикации и иные материалы, доступные на момент подготовки текста. Автор не ставит целью унижение чести, достоинства или деловой репутации каких-либо лиц и организаций.

Оглавление

Введение

Глава 1. Оружие массового поражения: механизм «экспертного» приговора

- 1.1. Театр абсурда: когда бумага тяжелее свинца
- 1.2. «Царица доказательств»: как мнение подменило Закон
- 1.3. Словарь репрессий
- 1.4. Индустрия заказных мнений: конвейер приговоров

Глава 2. Когда мнение эксперта важнее закона: тайна личности Александра Дворкина

- 2.1. Американская мечта наоборот: хиппи, выбравший Ивана Грозного
- 2.2. Путь к власти: как историк стал главным экспертом
- 2.3. Психопатология лидера: темная сторона «профессора»

Глава 3. Спрут РАЦИРС

- 3.1. Невидимая власть

Глава 4. Жернова системы: судьбы, перечёркнутые экспертным заключением

- 4.1. Дело Бхагавад-гиты: когда экспертиза бросила вызов священному тексту
- 4.2. Фалуныгун: как философия стала «опасной»
- 4.3. Свидетели Иеговы: суверенный экзорцизм — путь от веры к уголовному делу

Глава 5. Как псевдоэкспертиза стала частью государственной системы

- 5.1. Эволюция экспансии: от РАЦИРС до Минюста
- 5.2. Экономика антисектантской экспертизы: гранты, контракты и рынок заключений
- 5.3. Архитектура захвата: как «частная инквизиция» стала частью государственной доктрины
- 5.4. Институциональная замкнутость экспертно-репрессивного цикла
- 5.5. Кузница приговоров: как антисектантское лобби «перепрошивает» правоохранительную систему
- 5.6. Медийная мясорубка
- 5.7. Интернационал антисектантства: РАЦИРС, FECRIS и экспорт репрессий

Заключение

Список литературы и источников

Введение

Каждое утро миллионы людей просыпаются с уверенностью, что живут в правовом государстве. Нам кажется, что если мы соблюдаем закон, честно работаем, платим налоги и никому не причиняем вреда, то государственная машина правосудия никогда не обратит на нас внимания. Мы привыкли верить в незыблемость конституционных прав, независимость суда и объективность экспертизы. Но эта уверенность может оказаться гораздо более хрупкой, чем кажется.

Эта книга приглашает заглянуть туда, где подобные иллюзии сталкиваются с реальностью — в залы судебных заседаний, где судьбы людей нередко зависят не только от фактов и доказательств, но и от мнения эксперта. На скамье подсудимых здесь оказываются не серийные убийцы, не коррупционеры и не организаторы террористических актов. Перед судом предстают обычные люди.

Их истории различны, но объединяет одно обстоятельство: решающую роль в их судьбе зачастую играет не свидетель, не вещественное доказательство и даже не признание вины. Главным обвинителем становится документ с гербовой печатью — комплексная психолого-лингвистическая или религиоведческая экспертиза.

За последние десятилетия экспертное заключение превратилось в один из наиболее влиятельных инструментов судебного процесса. Именно оно всё чаще становится ключевым доказательством, способным определить дальнейшую судьбу человека и привести его к многолетнему лишению свободы. Вопрос о том, насколько объективны такие заключения, кто их составляет и каким образом они приобретают столь большое значение для суда, становится вопросом не только юридическим, но и общественным.

Эта книга представляет собой исследование того, как в современной России формировалась система экспертных оценок в сфере религии, мировоззрения и так называемой борьбы с «деструктивными культами». В центре этого исследования находится деятельность Александра Дворкина и Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС), а также влияние

разработанных в рамках антисектантского движения концепций на экспертную, судебную и общественную практику.

На страницах книги шаг за шагом раскрывается механизм формирования экспертных заключений и тот особый язык, который постепенно вошёл в общественный и правовой оборот. Читатель увидит, каким образом такие понятия, как «тоталитарная секта», «зомбирование», «психокульт» и «деструктология», стали использоваться в экспертных текстах, публичных дискуссиях и судебных процессах, несмотря на отсутствие их чёткого определения в российском законодательстве.

Перед нами постепенно выстраивается сложная система взаимосвязей, в которой экспертные советы, образовательные программы, правоохранительные органы, судебные процессы и общественные кампании оказываются тесно переплетены между собой. Книга исследует, каким образом отдельные идеи и концепции получают статус экспертного знания и начинают влиять на решения, определяющие судьбы людей.

Работа над этим исследованием потребовала изучения многочисленных судебных решений, экспертных заключений, публикаций, интервью и материалов общественных дискуссий. Цель этой книги состоит не в защите какой-либо религиозной организации и не в нападках на конкретных людей. Её задача — показать механизм, который в течение многих лет оставался малоизвестным широкой аудитории, несмотря на его влияние на правоприменительную практику и права человека.

Это расследование посвящено вопросу, который выходит далеко за пределы религиозных споров. Что происходит, когда экспертное мнение начинает играть роль, сопоставимую с ролью судебного решения? Как идеи отдельных людей и организаций проникают в правовую систему? И какие последствия возникают тогда, когда спорные концепции приобретают силу официальных заключений?

В конечном счёте эта книга не только о религии, экспертизах или судебных процессах. Она о границах свободы, ответственности государства и праве человека сохранять свои убеждения без страха оказаться объектом подозрений и преследования. Потому что вопрос, который стоит перед обществом сегодня,

касается каждого, кто рассчитывает на справедливый суд, независимую экспертизу и защиту своих конституционных прав.

Глава 1. Оружие массового поражения: механизм «экспертного» приговора

1.1. Театр абсурда: когда бумага тяжелее свинца

Представьте себе стандартный зал российского районного суда. Не тот, что показывают в сериалах — с высокими потолками и драматичным освещением, — а настоящий. В углу нутужно гудит старый системный блок, заглушая тихий, сбивчивый голос подсудимого.

На скамье подсудимых — в стеклянном «аквариуме» или просто за столом, сжавшись в комок, — сидит не серийный убийца. Не террорист с поясом шахида. Не коррупционер, укравший бюджет области. Там сидит 56-летний инженер из провинции, всю жизнь строивший мосты. Или учительница музыки с тонкими, дрожащими пальцами. Или молодой парень-программист, который просто искал смысл жизни и нашел его в йоге.

Они выглядят растерянными. В их глазах застыл немой вопрос: *«Как я здесь оказался? Это какая-то ошибка»*. Они до сих пор верят, что сейчас войдет взрослый, разумный человек, рассмеется и скажет: *«Разойдитесь, это розыгрыш»*.

Но розыгрыша не будет.

Судья перебирает стопку бумаг, едва скрывая скуку. Она думает о том, что рабочий день заканчивается, а дома ждет недоваренный суп. Прокурор, молодой

карьерист, бубнит текст обвинения, не отрывая глаз от листа. Звучат слова, от которых веет могильным холодом: «подрыв конституционного строя», «возбуждение ненависти», «психологическое насилие», «экстремизм».

В чем же заключается насилие этого инженера? В том, что он читал Библию с друзьями на кухне? В том, что учительница пела мантры? В том, что программист обсуждал философию ненасилия?

И тут наступает переломный момент. Момент, когда логика покидает зал суда, выпрыгивает в окно, и на сцену выходит главный герой нашего расследования. Не человек. Не свидетель. Документ.

— Ваша честь, — произносит прокурор с ноткой торжества, словно выкладывает козырный туз, — прошу приобщить к материалам дела заключение комплексной психолого-лингвистическо-религиоведческой экспертизы.

Зал замирает. Адвокат обреченно опускает плечи. Это — «Царица доказательств». Это — то самое оружие, которое превращает законопослушного гражданина в государственного преступника.

Вы берете этот документ в руки. На титульном листе — громкие названия институтов, гербовые печати, подписи «экспертов» с учеными степенями. Кажется, перед вами плод серьезной научной работы. Но стоит начать читать, как волосы на затылке начинают шевелиться.

Вместо юридических фактов и научного анализа вы видите набор странных, пугающих терминов, словно взятых из низкопробного фантастического романа: «зомбирование», «деструктивный культ», «психологическая манипуляция», «духовная агрессия».

Вы не найдете этих слов ни в Уголовном кодексе, ни в Конституции, ни в одном федеральном законе. Их нет в академической науке. Но именно эти слова становятся решеткой для человека в «аквариуме».

Эксперт, который, возможно, никогда не видел подсудимого в глаза, на пятидесяти страницах мелким шрифтом доказывает, что чтение религиозной книги в «неправильном» переводе — это «скрытый призыв к свержению власти». Что медитация — это «техника контроля сознания», разработанная западными спецслужбами для превращения россиян в биороботов.

Судья не является религиоведом. Она не лингвист и не психолог. Она видит подпись «кандидата наук» и кивает. Ей не нужно разбираться в тонкостях теологии. У нее есть бумага. Ответственность снята. Бумага говорит «виновен» — значит, виновен.

— Шесть лет колонии общего режима.

Удар молотка.

Этот сухой деревянный звук — не просто окончание заседания. Это звук выстрела. Экспертиза сработала как снайперская винтовка с глушителем, устранив «неудобного» человека чисто, юридически грамотно и без лишней крови.

Мы привыкли думать, что репрессии — это удел политических активистов. Но существует огромный, скрытый от глаз обывателя пласт реальности, где людей лишают родительских прав, бросают в тюрьмы и ломают им жизни только на основании того, что некий «эксперт» посчитал их веру «неправильной», а их мысли — «деструктивными».

В центре этой паутины стоит фигура, чье имя Александр Леонидович Дворкин. Человек с американским дипломом, бывший хиппи и эмигрант, вернувшийся в Россию, чтобы стать главным инквизитором постсоветского пространства. Он не носит рясу, не занимает постов в силовых ведомствах, но созданная им система — Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС) — обладает властью, которой позавидовали бы средневековые кардиналы.

Это расследование о том, как экспертиза из инструмента поиска истины превратилась в оружие массового поражения.

1.2. «Царица доказательств»: как мнение подменило Закон

Чтобы понять масштаб катастрофы, нужно вспомнить основы. В классической теории права, той самой, которую преподают на первом курсе юридических факультетов, экспертиза — это *вспомогательный* инструмент.

Она нужна, чтобы разъяснить суду узкие технические моменты. Из какого пистолета выпущена пуля? Является ли подпись в завещании поддельной? Какова причина смерти? Эксперт отвечает на вопрос «как?» и «что?», но никогда — слышите, никогда! — не должен отвечать на вопрос «виновен ли?». Вопрос вины и умысла — это исключительная прерогатива суда.

Но в современной российской практике по делам об экстремизме и свободе совести произошла чудовищная, фундаментальная подмена. Экспертиза перестала быть доказательством факта. Она стала доказательством мысли.

В 30-е годы печально известный прокурор Вышинский называл признание обвиняемого «царицей доказательств». Если человек признался — расстрел. Следствию нужно было лишь выбить это признание: пытками, шантажом, бессонницей. Сегодня методы стали гуманнее, но циничнее. Сегодня не нужно выбивать признание. «Царицей» стала справка от «нужного» эксперта.

Гораздо проще найти «подозрительную» группу. Скажем, кружок любителей ведической культуры или группу женщин, читающих Евангелие. Формально они ничего не нарушают. Они не призывают к насилию, не хранят оружие, не планируют взрывы. По закону к ним не подкопаться. Статья 28 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому свободу исповедовать любую религию. Формально это правовой тупик: состав преступления отсутствует. Но в современной практике правоприменения тупики нередко преодолеваются не через изменение закона, а через его интерпретацию. Следователь знает обходной путь. Он заказывает экспертизу.

Он не идет в Российскую академию наук (РАН) или к независимым ученым с мировым именем. Там могут дать объективный, сухой научный ответ: «Здесь нет экстремизма, это просто религиозный текст, характерный для данной традиции». Такой ответ ломает дело и испортит статистику.

Поэтому следователь обращается к проверенным людям. В каждом регионе у РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект) есть свои «спящие агенты» или дружественные кафедры в вузах. Часто это

педагогические или технические университеты, где уровень гуманитарной экспертизы вызывает вопросы, зато лояльность — на высоте. Или же запрос летит напрямую в структуры, связанные с Дворкиным.

Перед экспертом ставят вопрос с подвохом: *«Содержатся ли в лекциях гуру N признаки пропаганды исключительности и неполноценности граждан по признаку религиозной принадлежности?»*

Любой честный религиовед скажет вам: каждая религия утверждает свою истинность. Христиане верят, что спасутся только через Христа. Мусульмане — через следование Корану. Иудеи считают себя богоизбранным народом. Это аксиома веры. Если подходить с такой линейкой, то экстремистом можно признать и пророка Мухаммеда, и Будду.

Но «эксперт Дворкина» знает правила игры. Он берет фразу «наш путь — самый верный» и легким движением руки превращает её в «пропаганду религиозного превосходства». Предложение пожертвовать на храм трансформируется в «финансовую эксплуатацию и мошенничество». А совместные молитвы описываются как «групповое гипнотическое воздействие» и «введение в транс».

И вот на столе у судьи лежит документ. Там черным по белому написано: перед вами не верующие, а члены «тоталитарной деструктивной секты», которые «зомбируют» людей.

Суд попадает в ловушку. С одной стороны — Конституция. С другой — заключение «специалиста», утверждающего, что *эта конкретная вера* — яд. Российский судья, перегруженный делами, встроенный в жесткую вертикаль и боящийся за свое место, выбирает путь наименьшего сопротивления.

Зачем брать на себя ответственность, оправдывать «сектантов» и рисковать карьерой, если есть бумага, которая все объясняет? Экспертиза становится индульгенцией на беззаконие.

Это не просто судебная ошибка. Это системный сбой. Институт экспертизы превратился в дубину, которой можно ударить любого: протестанта, кришнаита, психолога, оппозиционера или просто человека, оказавшегося не в то время не в том месте.

1.3. Словарь репрессий

Чтобы посадить невинного, недостаточно просто обвинить его. Сначала нужно его расчеловечить. Нужно придумать такие слова, которые превратят вашего соседа, коллегу или родственника в «Чужого». В монстра, которого не жалко. Которого *нужно* изолировать.

В нацистской Германии евреев называли *Untermensch* (недочеловеки). В СССР врагов народа клеймили «наймитами империализма» и «бешеными псами». Александр Дворкин и его последователи пошли дальше. Они создали целый новояз — словарь псевдонаучных терминов, которые звучат страшно, научно, но за которыми — пустота. Пустота, заполненная ненавистью.

Давайте разберем этот «Словарь Репрессий».

«Тоталитарная секта»

Это коронный термин Дворкина, его главное детище. Он звучит как лязг тюремного засова. Слыша его, обыватель представляет себе подвалы, жертвоприношения младенцев и людей с пустыми глазами. Но откройте законодательство РФ. Пролистайте все кодексы, все федеральные законы. Вы не найдете там понятия «тоталитарная секта». Его там нет. Нет его и в академическом мировом религиоведении. Ученые используют нейтральные термины: «новое религиозное движение» (НРД), «религиозное меньшинство». Термин «тоталитарная секта» — это ярлык-пустышка. Это эмоциональная дубина, предназначенная для того, чтобы вызвать страх и отвращение еще до начала разбирательства. Как только на группу вешают этот ярлык, презумпция невинности исчезает. «Сектант» виновен по факту своего существования.

«Зомбирование» и «Промывание мозгов» (Brainwashing)

Любимые аргументы экспертов РАЦИРС. Якобы в этих группах применяют секретные психотехники, подавляющие волю, превращающие человека в марионетку. Парадокс в том, что современная психология и психиатрия не признают теорию «промывания мозгов» в том виде, как ее рисуют антикультисты. Американская психологическая ассоциация (АРА) еще в 80-х годах отвергла эти теории как ненаучные. Человека нельзя превратить в робота щелчком пальцев или лекцией. Но в российских судах этот миф живет и

процветает. Эксперты-психологи, часто не имеющие профильного образования, пишут о «психологическом насилии», цинично подменяя этим понятием добровольный выбор взрослого человека. Если вы отдали квартиру церкви — вас «зомбировали». Если вы пропили квартиру в баре или проиграли в казино — это ваш свободный выбор. Логика абсурдна, но она работает безотказно.

«Деструктология»

Вершина цинизма — изобретение целой «науки», призванной обосновывать репрессии. В последние годы соратник Дворкина Роман Силантьев активно продвигает «деструктологию». Это химера, сшитая из обрывков психологии, религиоведения и махровой конспирологии. Цель этой псевдонауки одна — дать следователю готовый инструмент для посадки. Не нужно доказывать факт преступления. Достаточно доказать, что группа «деструктивна» по своей сути. А критерии деструктивности в этой «науке» настолько размыты, что под них можно подвести кого угодно: от клуба любителей аниме до феминисток, от врачей-гомеопатов до оппозиционной партии.

«Психокульт»

Ярлык для светских организаций. Тренинги личностного роста, курсы йоги, бизнес-семинары, курсы английского. Если там есть лидер, дисциплина и плата за обучение — это «психокульт». Вспомним абсурдное дело Дмитрия Угая в Санкт-Петербурге. Молодой человек читал лекцию о философии йоги на фестивале. Просто рассказывал о культурных корнях практики. Эксперты увидели в этом «миссионерскую деятельность» запрещенной организации. Логика убийственная: раз йога пришла из Индии, а в Индии есть религия, значит, рассказ о йоге — это вербовка.

Этот новояз создает параллельную реальность. В этой реальности врач, советующий травы, становится террористом. Бабушка, читающая Библию с подругами, — экстремисткой, угрожающей национальной безопасности. Слова становятся кирпичами в стене тюрьмы.

Когда слово впервые появляется в деле, на него почти не обращают внимания. Оно выглядит как служебная формальность, как часть профессионального жаргона, в котором судья, следователь и адвокат не обязаны

разбираться досконально. «Тоталитарная секта» — звучит пугающе, но расплывчато. Не диагноз. Не статья. Не приговор. Пока ещё нет.

Но именно такие слова оказываются самыми опасными.

Они не требуют доказательств, потому что апеллируют не к фактам, а к страху. В них уже заложен вывод. Если группа — «тоталитарная», значит, она подавляет. Если «секта» — значит, опасна. А если опасна, значит, государство обязано вмешаться. Логика замыкается сама на себе, не нуждаясь ни в свидетелях, ни в экспериментах, ни в проверке методологии.

Так начинается процесс, в котором любой может оказаться по другую сторону экспертного заключения — просто потому, что его образ мыслей кому-то показался неправильным.

1.4. Индустрия заказных мнений: конвейер приговоров

Репрессивная экспертиза — это не случайность, не ошибка системы и не «эксцесс исполнителя». Это отлаженная индустрия. Это бизнес, где товаром являются человеческие судьбы.

Схема работает как швейцарские часы, только вместо времени она отсчитывает тюремные сроки.

Этап 1: Заказ. Поступает заказ Центру «Э» (Центру по противодействию экстремизму), ФСБ или прокуратуре, следователь собирает материалы: книги, брошюры, видеозаписи проповедей, скрытые записи разговоров на кухне. Ему нужно основание для возбуждения дела. Ему нужна *справка*.

Этап 2: Выбор исполнителя. Следователь прекрасно понимает: если отправить эти книги в Российскую академию наук (РАН) или Московский государственный университет (МГУ), ему ответят: «Это религиозная литература, изучайте её, но не судите». Это развалит дело. Поэтому запрос отправляется по проверенному адресу. В экспертные центры, аффилированные с РАЦИРС. Или к частным экспертам, чьи фамилии кочуют из одного громкого дела в другое.

Например, в «Центр социокультурных экспертиз», который прославился тем, что находил экстремизм там, где его не видели даже бывалые сотрудники спецслужб.

Этап 3: Фабрикация. Эксперт получает материалы. Зачастую он даже не читает и не смотрит их целиком. У него есть шаблон заключения. Меняются только имена обвиняемых и названия организаций. Аргументация строится по принципу порочного круга:

- Организация N есть в «списке сект» на сайте Дворкина (хотя этот список не имеет юридической силы).
- Следовательно, литература этой организации деструктивна.
- Раз она деструктивна, она возбуждает ненависть к «традиционным» религиям (ведь она утверждает, что она лучше!).
- Вывод: Материал экстремистский.

В дело идут подложные цитаты, вырванные из контекста фразы. Часто эксперт ссылается на работы самого Дворкина как на «научный источник». Круг замыкается: Дворкин придумал, что это секта, эксперт сослался на Дворкина, суд признал это фактом на основании экспертизы. Бинго.

Этап 4: Монетизация. Это не волонтерство. Экспертизы стоят денег. Стоимость одной комплексной экспертизы может доходить до сотен тысяч рублей, выплачиваемых из государственного бюджета. Но прямые выплаты — это мелочь. Главная валюта здесь — влияние и гранты. РАЦИРС и аффилированные с ней структуры получают статус незаменимых защитников Отечества. Они выигрывают президентские гранты (десятки миллионов рублей за последние годы) на «просвещение» и «профилактику экстремизма». Они ездят по стране с лекциями, которые щедро оплачиваются местными администрациями. Это — паразитирование на страхе. Сначала они пугают государство выдуманными чудовищами, а потом продают государству «лекарство» в виде своих услуг.

Теневой рынок. Есть и более грязная сторона. В материалах независимых расследований всплывают факты того, что угроза признания организации «сектой» используется для банального шантажа и рейдерства. Бизнес-конкурент хочет отжать помещение? Закажи атаку РАЦИРС на владельца,

обвинив его в сектантстве. Бывшие супруги делят детей? Наклей на жену ярлык «сектантка», и суд отдаст ребенка тебе. Эксперты РАЦИРС всегда готовы прийти на помощь... тому, у кого есть ресурс.

Цена вопроса. Для эксперта это — гонорар, очередная грамота и чувство собственной значимости. Он — маленький человек с большой печатью, которого боятся. Он вершитель судеб. Для подсудимого это — сломанная жизнь. Реальные сроки — 6, 8, 10 лет колонии — которые получают сегодня Свидетели Иеговы и другие верующие, сравнимы со сроками за убийство или тяжкие телесные повреждения. Задумайтесь: человек, который убил соседа в пьяной драке, может выйти через 5-6 лет. Человек, который читал «неправильную» книгу и на которого написал заключение эксперт-лингвист, может сесть на 8 лет.

Эта чудовищная диспропорция — прямое следствие того, что экспертиза стала оружием. Оружием, которое стреляет без промаха.

Глава 2. Когда мнение эксперта важнее закона: тайна личности Александра Дворкина

2.1. Американская мечта наоборот: хиппи, выбравший Ивана Грозного

За безликими печатями районных судов, за сухими формулировками «деструктивный культ» и за спинами оперативников Центра «Э» (Центра по противодействию экстремизму) скрывается тень одного человека. Человека, который не просто нажимает на кнопки этой машины. Он сам спроектировал пульт управления. Он сам написал код, по которому эта машина делит людей на «своих» и «чужих».

Если вы встретите его на улице, вы вряд ли заподозрите в нем одного из самых влиятельных серых кардиналов российской религиозной политики. Окладистая борода, очки, интеллигентная сутулость. Он похож на профессора старой закалки, который живет в мире пыльных фолиантов и древних рукописей.

Однако внешность обманчива. Александр Леонидович Дворкин — фигура, сотканная из парадоксов. Главный борец с «тлетворным влиянием Запада» в духовной сфере России — сам продукт этого Запада. Патриот, призывающий защищать «традиционные ценности», полжизни прожил в США, работая на радиостанциях, которые в СССР считались вражескими голосами.

Для одних — профессор, богослов и спаситель заблудших душ. Для других — Великий Инквизитор XXI века, превративший свои личные фобии и комплексы в государственную идеологию.

Чтобы понять, как мы оказались в точке, где мнение одного человека перевешивает Конституцию РФ, нам нужно отмотать киноленту истории назад.

Начало девяностых годов в России напоминало внезапно вскрытую плотину. Десятилетия государственного атеизма, выжигавшего любые проявления духовности, сменились эпохой абсолютной открытости, которая граничила с хаосом. В эту огромную, жаждущую смыслов пустоту хлынуло все: от классического православия и западного протестантизма до восточных медитативных практик и мистических учений. Люди, еще вчера жившие по цитатам из газеты «Правда», внезапно обнаружили, что мир многолик, а вера может быть разной. Именно в этот момент на исторической сцене появляется фигура, которой суждено было превратить эту свободу в источник страха, а само слово «экспертиза» — в карательный клинок, фигура, которой суждено было стать главным архитектором новой российской инквизиции.

Его история начинается в Москве 1955 года. Типичная интеллигентная семья. Но в 1970-е юный Саша Дворкин выбирает путь бунта. Он становится хиппи. Длинные волосы, фенечки и отказ от советской серости. В 1975 году его отчисляют из педагогического института (МГПИ) с третьего курса. Официально — за неуспеваемость, фактически — за неблагонадежность.

А в 1977 году 22-летний Дворкин эмигрирует в Соединенные Штаты Америки.

В Америке бывший московский хиппи находит себя не в коммунах «детей цветов», а в лоне церкви. В 1980 году он принимает крещение в Нью-Йорке. И здесь начинается самое интересное превращение. Дворкин получает западное образование. Он поступает в Хантерский колледж (Hunter College) в Нью-Йорке, изучает русскую литературу. Затем — резкий поворот в сторону религии: Свято-Владимирская православная духовная семинария и, наконец, в 1988 году защищает диссертацию в Фордемском университете. И вот здесь, в этой точке, кроется первый ключ к шифру его личности. Ключ, который многие упускают из виду.

О чем пишет диссертацию молодой эмигрант в свободной Америке? Тема его диссертации: «Иван Грозный как религиозный тип». Это ключевой момент для понимания всей дальнейшей истории. Александр Дворкин — не религиовед. Он — историк-медиевист. Специалист по Средневековью. По временам, когда инакомыслие выжигали каленым железом, а споры о вере решались на плахе. Кажется, именно там, в мрачном обаянии эпохи Грозного, и сформировалось его мировоззрение.

В Россию он возвращается в 1991 году, на руины СССР. Страна наводнена проповедниками всех мастей, люди ищут духовную опору. И Дворкин понимает: здесь, на диком религиозном рынке постсоветской России, он может стать не просто наблюдателем, а регулятором.

Дворкин привозит с собой не дух американской толерантности. Он не привозит опыт демократических институтов. Он привозит технологию. Он привозит методы американского антикультового движения (Anti-Cult Movement, ACM), которое к тому времени в самих США уже начало маргинализироваться из-за скандалов с похищениями людей и насилием.

Он вернулся не как ученый-исследователь. Он вернулся как миссионер с огнемётом. В стране, которая только что сбросила оковы государственного атеизма, он увидел не поле для просвещения, а поле битвы. И он объявил себя генералом этой войны.

2.2. Путь к власти: как историк стал главным экспертом

Карьера Александра Дворкина в России — это история одного из самых успешных и дерзких бюрократических блефов в новейшей истории.

Представьте ситуацию: вы ложитесь в больницу на сложную операцию на сердце. Входит хирург, надевает перчатки. Вы спрашиваете: «Доктор, где вы учились?» А он отвечает: «Я доктор наук по истории медицины Средневековья. Я читал, как лечили чуму в XIV веке. Скальпель в руках не держал, но теоретически подкован отлично». Вы бы доверили ему свою жизнь?

В российской системе государственно-конфессиональных отношений произошло именно это.

В 2009 году случается событие, повергшее академическое сообщество в шок. Александр Дворкин назначается Председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ.

Это не просто громкая должность. Это «Рубильник». Именно этот Совет решает, какую религиозную организацию считать «традиционной и безопасной», а какую — пустить под нож ликвидации. Именно этот Совет дает зеленый свет на регистрацию или запускает маховик запретов.

В чем проблема? Проблема в дипломе. А точнее, в его отсутствии с точки зрения российского права.

У Дворкина есть степень Ph.D. по истории. Но, во-первых, это история Средних веков, а не религиоведение. Он специалист по Ивану Грозному, а не по современным неопятидесятникам или кришнаитам. Во-вторых, и это самое главное, его западные дипломы не прошли нострификацию (официальное признание) в России. С точки зрения российской государственной бюрократии, которая обычно требует справку на справку, у главного государственного эксперта по религии нет профильного высшего образования, признанного РФ.

Как это стало возможным? Это был триумф административного ресурса и страха. Дворкин сумел продать себя государству и Русской Православной

Церкви (РПЦ) как единственного специалиста, способного защитить страну от «духовной агрессии Запада».

Тот факт, что он сам приехал с Запада, что он гражданин США (от гражданства он, по его словам, отказался позже, но «осадочек» и ментальность остались), что он использует методички западных депрограмматоров — никого не смутил. В эпоху поиска врагов он предложил идеальную услугу: «Я знаю их методы, я свой среди чужих, дайте мне полномочия, и я зачищу поле».

Он создал новую дисциплину — «сектоведение». Этой науки не существует в академической номенклатуре специальностей ВАК (Высшей аттестационной комиссии). Её нет ни в одном светском университете мира. Это изобретение Дворкина, суррогат, гремучая смесь из православного богословия, конспирологии, журналистики и полицейских сводок.

Его главный труд, «Сектоведение. Тоталитарные секты», — это не научная монография. Там нет статистики, нет полевых исследований, нет нейтрального анализа. Это сборник газетных вырезок, слухов, эмоциональных обвинений и пересказов историй «пострадавших».

Дворкин совершил подмену понятий космического масштаба. Он сказал государству: «Вам не нужно разбираться в тонкостях теологии. Это сложно. Просто спросите меня. Если я скажу, что это секта — сажайте». И государство, уставшее от сложности мира, с радостью согласилось на этот простой алгоритм.

2.3. Психопатология лидера: темная сторона «профессора»

Но кто скрывается за маской сурового профессора с окладистой бородой, вещающего с телеэкранов о спасении России? Если мы отбросим регалии и посмотрим на человека, перед нами встанет образ глубоко травмированный, противоречивый и, возможно, опасный.

В интернете и в независимых расследованиях (в том числе на ресурсах, анализирующих деятельность антикультистов) годами циркулируют документы, подлинность которых Дворкин яростно отрицает, но которые

удивительно точно коррелируют с его публичным поведением. Речь идет о медицинских картах советского периода. Согласно этим данным, в юности Александр Леонидович наблюдался у психиатров с диагнозами, которые в современной классификации можно отнести к биполярному аффективному расстройству (ранее — маниакально-депрессивный психоз) или циклотимии.

Мы не врачи и не имеем права ставить диагнозы дистанционно. Но мы можем анализировать факты. А факты публичного поведения «главного борца с безумием» вызывают оторопь.

1. Вспышки неконтролируемой агрессии. Интернет помнит всё. Существует видеозапись инцидента, где «почтенный профессор» набрасывается на журналиста с кулаками, пытаясь вырвать камеру. Лицо перекошено яростью, крик срывается на визг. Это не поведение ученого в ходе диспута. Это поведение человека, потерявшего контроль над собой.

2. Навязчивые идеи и конспирология. Вслушайтесь в его риторику. Она пронизана паранойей. Весь мир для Дворкина — это гигантский заговор. Кришнаиты хотят захватить власть в регионах. Пятидесятники работают на ЦРУ и готовят «оранжевую революцию». Продавцы косметики и БАДов зомбируют домохозяек не ради денег, а ради мирового господства. Он видит врагов там, где обычный человек видит просто людей с другими взглядами. Любое несогласие с ним воспринимается как атака «сектантского лобби».

3. Проекция. Психологи знают: то, с чем человек яростнее всего борется во внешнем мире, часто живет внутри него самого, в его Тени. Дворкин всю жизнь борется с «тоталитарными сектами».

В чем он их обвиняет?

- В нетерпимости к инакомыслию.
- В подавлении личности адепта.
- В создании культа непогрешимого лидера (гуру).
- В манипуляции сознанием и использовании лжи («священный обман») ради целей организации.

Но посмотрите на созданную им структуру РАЦИРС. Разве это не закрытая, жестко иерархичная организация? Разве там терпят критику мнения Дворкина? Разве его слово не является истиной в последней инстанции для его

последователей? *Не построил ли борец с сектами свою собственную секту?* Секту борьбы с сектами.

Особого внимания заслуживают его «учителя» и кумиры, которых он сам называет источниками вдохновения. Это проливает свет на его моральные ориентиры.

В одном из интервью Дворкин признался, что его вдохновил сэр Стивен Рансимен, автор «Истории крестовых походов». Дворкин восхищается им как «моралистом». Пикантность ситуации в том, что Рансимен был открытым гомосексуалом, называл себя человеком с «темпераментом блудницы» и был далек от традиционных христианских ценностей, которые так яростно отстаивает Дворкин. Это не упрек Рансиму как историку, но яркий маркер лицемерия Дворкина: он готов закрыть глаза на что угодно, если человек полезен для его идеологии.

Еще страшнее его связи с фигурами западного антикультизма — Риком Аланом Россом и Стивеном Хассеном.

- Рик Росс — человек с уголовным прошлым (судимость за кражу со взломом), известный своими методами насильственного депрограммирования. Его методы приводили к судебным искам на миллионы долларов.
- Стивен Хассен — бывший член секты, построивший бизнес на страхе родителей. Его методы «консультирования» часто граничат с психологическим насилием. Дворкин не просто цитирует их. Он называл их коллегами и друзьями. «Скажи мне, кто твой друг...». Дворкин окружил себя людьми, для которых насилие — психологическое или даже физическое — является допустимым методом «исправления» человека. Для них цель (борьба с культом) оправдывает любые средства.

Дворкин сделал нечто большее, чем просто занял кресло в Минюсте. Он перепрошил язык, на котором Россия говорит о религии. Он совершил лингвистическую диверсию, ядовитые плоды которой мы пожинаем сегодня в залах судов.

Введение в российский оборот термина «тоталитарная секта» — это был гениальный ход. Слово «тоталитарная» вызывает у постсоветского человека, генетически помнящего ГУЛАГ, репрессии и диктатуру, животный, иррациональный страх. Оно ассоциируется с колючей проволокой, пытками, подавлением воли. Приклеив этот ярлык к мирным кришнаитам, раздающим печенье, или к Свидетелям Иеговы, читающим Библию, Дворкин автоматически превратил их в наследников Гитлера и Сталина в глазах обывателя и чиновника.

Далее он развернул кампанию по дегуманизации. Послушайте его лекции. Почитайте стенограммы. Он не говорит о верующих иных конфессий как о людях — заблуждающихся, странных, но людях. Он использует биологические и механистические метафоры, характерные для языка вражды Третьего Рейха:

- «Секты — это раковая опухоль на теле нации».
- «Адепты — это биороботы».
- «Секты — это вирусы, инфекция».
- «Они — мутанты духовности».

Логика проста и убийственна. Что делают с раковой опухолью? Её не лечат уговорами — её вырезают. Что делают с вирусом? Его уничтожают. Что делают с биороботом? Его перепрограммируют или утилизируют. У биоробота нет прав, нет души, нет чувств.

Дворкин убедил силовиков, судей и часть общества, что перед ними не граждане РФ, обладающие конституционными правами. Перед ними — зараженная биомасса, управляемая из-за рубежа. Именно Дворкин заложил фундамент для того, чтобы мнение эксперта стало важнее закона. Закон защищает человека. Но если эксперт Дворкин в своей справке доказал, что этот подсудимый — «зомбированный сектант», то он уже не совсем человек. А значит, закон на него не распространяется. Против «зомби» любые средства хороши. Это санитарная операция, а не правосудие.

Так историк-медиевист, не сумевший реализоваться на Западе, стал архитектором ненависти в России. Он построил мир, где любой, кто молится не по утвержденному образцу, становится врагом народа.

Но один человек, даже такой одержимый, энергичный и харизматичный в своем фанатизме, не смог бы повернуть это в одиночку в масштабах огромной

страны. Ему нужны были руки. Ему нужны были глаза и уши в каждом регионе. Ему нужна была сеть.

И он её создал.

Эта сеть называется РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект). Это спрут, опутавший своими щупальцами всю страну, от Калининграда до Камчатки, проникший в кабинеты следователей, в епархии и в университетские аудитории.

Как работает эта теневая служба? Кто финансирует эту охоту на ведьм? Как государственные гранты превращаются в инструменты репрессий и как провинциальный священник может сломать жизнь кому-то по звонку из Центра Иринейя Лионского?

О структуре этого спрута мы поговорим дальше.

Глава 3. Спрут РАЦИРС

3.1. Невидимая власть

Если вы откроете карту России и начнете втыкать красные булавки в те города, где происходят самые громкие «антисектантские» скандалы, где горят молитвенные дома, где врываются в квартиры к мирным верующим и где суды выносят самые суровые приговоры, вы заметите странную закономерность.

Эти булавки не рассыпаны хаотично. Они выстраиваются в четкую сеть. Калининград, Санкт-Петербург, Тверь, Саратов, Уфа, Екатеринбург, Новосибирск, Петропавловск-Камчатский.

Соедините эти точки линиями, и вы увидите скелет чудовища. Это не государственная структура. Это не филиалы ФСБ или МВД, хотя они часто делят одни и те же кабинеты. Это — РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект).

В 2006 году Дворкин создал РАЦИРС — это общественная организация, ассоциация неравнодушных исследователей. На бумаге это звучит благородно: защита граждан, просвещение, помощь пострадавшим. На деле же РАЦИРС — это уникальный для современной России феномен. Это частная разведывательно-карательная корпорация, которая осуществила то, что политологи называют *regulatory capture* («захват регулятора»). Группа частных лиц фактически приватизировала государственную функцию по определению того, что есть «экстремизм» в сфере веры.

Представьте себе грибницу. На поверхности вы видите лишь отдельные грибы — какой-нибудь «Информационно-консультационный центр» в Саратове или «Миссионерский отдел» в Новосибирске. Они кажутся независимыми. Но под землей тянутся километры прочных, неразрывных нитей, по которым мгновенно передаются сигналы, деньги и команды. Если тронуть гриб во Владивостоке, сигнал тревоги тут же прозвучит в московском кабинете Дворкина.

Как работает этот организм?

- Голова (Центр управления): Москва. Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ириней Лионского. Здесь, в тени православных икон и стопок доносов, генерируются смыслы. Здесь пишутся методички: кого травить в этом сезоне. Здесь распределяются гранты.
- Нервные узлы (Региональные вице-президенты): Крупные города контролируются доверенными лицами Дворкина — «генералами» антикультизма, такими как протоиерей Александр Новопашин в Новосибирске или Александр Кузьмин в Саратове. Они имеют прямой выход на губернаторов и начальников местных управлений ФСБ.
- Щупальца (Исполнители): Десятки мелких ячеек при епархиях, кафедры в провинциальных вузах, «родительские комитеты». Их задача — быть глазами и ушами.

Эта структура работает как идеальный механизм по «отмыванию» слухов и превращению их в уголовные дела.

Схема легализации репрессий:

- Вброс. Активист РАЦИРС в регионе (например, в Туле) пишет статью в местной газете или пост в блоге: «Группа N — это страшная секта, они едят детей/продают Родину». Доказательств нет, только эмоции и цитаты из методичек Дворкина.
- Резонанс. Другие ячейки РАЦИРС перепечатывают этот материал, создавая иллюзию «общественной обеспокоенности».
- Запрос. На основании этих публикаций региональный центр РАЦИРС пишет официальное обращение в прокуратуру или Центр «Э» (Центр по противодействию экстремизму): «Общественность негодует, просим проверить».
- Экспертиза. Силовики обязаны реагировать. Они назначают экспертизу. И к кому они обращаются? Правильно, к «специалистам» из той же структуры РАЦИРС, потому что «других нет».
- Приговор. Слух, пущенный самой организацией, вернулся к следователю в виде «научного доказательства» вины.

Это гениальная и страшная схема. РАЦИРС сама создает проблему, сама раздувает её, и сама же предлагает государству платные услуги по её «решению».

Солдаты Дворкина

Кто же эти люди, которые своими руками крутят маховик репрессий на местах? Давайте посмотрим на «генералов» этой теневой армии. Их биографии не менее колоритны, чем у самого Дворкина.

Протоиерей Александр Новопашин (Новосибирск). Вице-президент РАЦИРС, одна из самых влиятельных фигур в системе. Известен своей радикальной, почти милитаристской риторикой. Новопашин не просто борется с сектами. Он видит мир как поле боя, где враги повсюду. Он снимает художественные фильмы (на государственные деньги, разумеется), где «сектанты» изображаются карикатурными злодеями, агентами западных разведок, готовящими оранжевые революции, проводит конференции и, что самое важное, десятилетиями внедряет свои идеи в силовые структуры. Его метод — сила и напор. В Новосибирске он создал мощный центр влияния,

который фактически диктует местной власти повестку в религиозных вопросах. Его реабилитационные центры для наркозависимых не раз становились объектом критики за жесткие методы, граничащие с насилием, но «победителей не судят». Для Новопашина антикультизм — это не наука, это крестовый поход.

Александр Кузьмин (Саратов). Ответственный секретарь РАЦИРС. Типичный бюрократ от инквизиции. Если Новопашин — это «кулак», то Кузьмин — это «перо». Кандидат философских наук, преподаватель семинарии, он придает деятельности РАЦИРС налет академичности. Именно такие люди как Кузьмин и Новопашин обеспечивают юридическое и «экспертное» прикрытие. Они умеют облекать ненависть в формулировки, приемлемые для канцелярского языка судебных решений.

Рядовые бойцы. А ниже — армия «активистов». Кто они? Среди них много искренне заблуждающихся людей. Родители, потерявшие контакт с детьми и ищущие виноватых. Фанатики, для которых любая инаковость — личное оскорбление. Несостоявшиеся психологи и историки, нашедшие в РАЦИРС возможность почувствовать свою значимость. Система Дворкина дает маленькому человеку ощущение власти. Вчера ты был никем, а сегодня ты — «Борец за Духовную Безопасность». Ты можешь писать доносы, и их будут читать полковники ФСБ. Ты можешь вершить судьбы. Это наркотик посильнее героина.

Связка с РПЦ. Нельзя забывать и о роли Русской Православной Церкви. Хотя официально многие иерархи дистанцируются от радикальных методов Дворкина, понимая их репутационные риски, на местах связь РАЦИРС и епархиальных структур почти абсолютная. Руководители региональных центров РАЦИРС часто возглавляют миссионерские отделы епархий. Они носят рясы. Они вещают с амвона. Для части клира РАЦИРС — это инструмент устранения конкурентов на «рынке духовных услуг». Зачем вести сложные богословские диспуты с протестантами, зачем бороться за души прихожан любовью и проповедью, если можно просто натравить на конкурента прокурора, объявив его «тоталитарной сектой»? Это административный соблазн, перед которым трудно устоять.

Союз с силовым блоком. Сетевой характер РАЦИРС позволил ассоциации прорасти в государственные структуры на местах так глубоко, что порой трудно

понять, где заканчивается общественная организация и начинается МВД или ФСБ.

В Новосибирске Александр Новопашин годами читал лекции в школе милиции (ныне Новосибирский военный институт Росгвардии или филиалы университета МВД). Результат? Целые поколения офицеров вышли в поле с убеждением, что любой баптист, пятидесятник или кришнаит — это потенциальный шпион или экстремист. Когда в регионе начинаются обыски у верующих, сотрудники ФСБ зачастую используют методички, написанные в кабинете Новопашина.

В Саратове Александр Кузьмин добился того, что представители РАЦИРС стали фактически «внештатными сотрудниками» Центра «Э» (Центра по противодействию экстремизму). Взаимодействие выстроено по принципу аутсорсинга: силовики обеспечивают физическое давление и оперативное сопровождение, а Кузьмин и его коллеги — «интеллектуальное обоснование» репрессий. Они пишут справки, проводят «религиоведческие консультации» и выступают в судах, превращаясь из свидетелей в экспертов, а из экспертов — в судей.

Сетевая структура РАЦИРС охватила десятки городов: от Архангельска до Петропавловска-Камчатского. В каждом узле этой сети сидит «лицензированный» Дворкиным специалист, который обладает уникальным ресурсом — правом указывать пальцем на «еретика» и быть уверенным, что за этим указанием последует визит спецназа.

Таким образом, РАЦИРС удалось создать небывалый для современной России прецедент: частная организация с четко выраженным конфессиональным уклоном фактически приватизировала часть государственных функций. Это и есть сетевая «паутина», где нити сплетены из страха, предрассудков и жажды контроля. Региональные ячейки ассоциации стали приводными ремнями репрессивной машины, превращая конституционное право на свободу совести в пустую формальность. Страна оказалась покрыта сетью «экспертных центров», которые торгуют не знаниями, а страхом — страхом перед инакомыслием, упакованным в обертку «защиты национальной безопасности».

Глава 4. Жернова системы: судьбы, перечёркнутые экспертным заключением

Когда идеология сливается с государственным аппаратом, рождается механизм, лишенный человечности. Его задача — не поиск истины, а перемалывание инакомыслия в однородную серую пыль лояльности. В этой части мы входим в само сердце «машины» — в залы судебных заседаний и кабинеты следователей, где экспертное слово превращается в приговор, а научная терминология — в кандалы.

Здесь «экспертиза» перестает быть исследованием. Если в средние века инквизиция искала на теле ведьмы «метку дьявола», то современные «религиоведы» в погонах и рясах ищут в текстах «метки экстремизма», используя лингвистические лупы, настроенные на искажение реальности.

4.1. Дело Бхагавад-гиты: когда экспертиза бросила вызов священному тексту

Зимой 2011 года в заснеженном Томске развернулось действие, которое историки будущего, вероятно, назовут «судом над вечностью». В центре судебного процесса, словно на скамье подсудимых, оказалась не группа людей, не террористическая ячейка и даже не преступная организация. Перед судом предстала Книга.

«Бхагавад-гита как она есть» — комментированный перевод древнеиндийского философского трактата, сделанный основателем Международного общества сознания Кришны (ИСККОН) А. Ч. Бхактиведантой

Свами Прабхупадой. Книга, вдохновлявшая Ганди и Толстого, Эйнштейна и Гессе, в тихом сибирском городке внезапно превратилась в «орудие экстремизма».

Для неподготовленного наблюдателя этот процесс выглядел сюрреалистично. Прокуратура Томска, опираясь на материалы ФСБ, требовала признать книгу экстремистской и внести её в позорный «черный список» запрещенной литературы. Логика системы была проста: если идеи книги не укладываются в рамки «традиционного православия», значит, они несут угрозу государственному строю.

Экспертиза в этом деле выступила в роли современной инквизиции. Группе ученых из Томского государственного университета (ТГУ) было поручено найти в древнем тексте призывы к насилию и ненависти. Те, кто должен был защищать свет науки, добровольно надели мантии карателей.

Экспертные оценки «Бхагавад-гиты как она есть» и другой кришнаитской литературы в СССР и России в 1988—2005 годах

Первое экспертное исследование кришнаитской литературы было проведено в 1988 году, когда Совет по делам религий при Кабинете министров СССР принимал решение о регистрации ИСККОН в СССР. В 1998 году при регистрации Центра обществ сознания Кришны в России Министерство юстиции провело религиоведческую экспертизу, также не обнаружив ничего противозаконного в «Бхагавад-гите как она есть» и других книгах кришнаитов.

Первая проверка «Бхагавад-гиты как она есть» именно на экстремизм была проведена в 2004 году по запросу пенсионерки из Калужской области Тамары Квитковской, которая обратилась в Генеральную прокуратуру РФ с просьбой запретить кришнаитам распространение книг «Бхагавад-гита как она есть» и «Шримад-Бхагаватам». Проверку книг на экстремизм провела Савёловская межрайонная прокуратура Москвы. Содержание книг изучалось в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. Специалисты НИИ установили, что в книгах «отсутствует информация, побуждающая к каким бы то ни было насильственным действиям».

В 2005 году проверку «Бхагавад-гиты как она есть» на экстремизм запросил депутат Государственной думы Андрей Савельев. 16 февраля 2005 года Савельев получил ответ от заместителя генерального прокурора РФ Н. Савченко, который указал депутату на данные экспертного исследования 2004 года.

«Экспертное заключение» преподавателей Томского государственного университета от 25 октября 2010 года

Согласно официальной версии, сотрудники ФСБ и прокуратуры в ходе плановой проверки томского филиала ИСККОН «наткнулись на подозрительный, по их мнению, текст», который было решено направить на экспертизу на предмет наличия в нём экстремизма. Известно, что в 2009 году ФСБ обратилась к заведующей кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку и литературе Томского государственного педагогического университета Ольге Орловой с предложением обнаружить экстремизм в «Бхагавад-гите как она есть». Орлова ответила на предложение отказом, и ФСБ привлекло к работе сотрудников Томского государственного университета (ТГУ) Сергея Аванесова (декана философского факультета ТГУ, преподавателя Томской духовной семинарии), Валерия Свистунова и Валерия Наумова, которые в частном порядке составили экспертное заключение и 25 октября 2010 года поставили под ним свои подписи. Из показаний Аванесова в суде явствует, что составление заключения было поручено ему сотрудником ФСБ по имени Дмитрий Великоцкий. Позднее просьба была оформлена в виде договора, подписанного «кем-то из руководителей» УФСБ по Томской области.

В заключении учёные сделали вывод о том, что в книге содержатся «признаки разжигания религиозной ненависти, унижения достоинства человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии». В частности, в заключении утверждалось, что комментарий Бхактиведанты Свами Прабхупады «насыщен унижительными определениями всех, кто не является последователями его учения о Кришне, либо вообще не знающих и не верящих в “верховного бога” Кришну». В заключении утверждалось, что оскорбления выражены такими словами, как «глупец», «невежда», «недалёкий», «демон», «свинья», и что Бхактиведанта Свами Прабхупада унижает неверующих, используя такие слова, как «лишены»,

«обречены», «не способны оценить» в соответствующих контекстах. Утверждение автора о том, что о женщинах следует заботиться, как о детях, эксперты сочли «унижением по половому признаку».

Томские эксперты пришли к выводу, что «Бхагавад-гита как она есть» «оскорбляет представителей чуть ли не всех религий, кроме индуистов». Обозреватели «Независимой газеты» Андрей Мельников и Лидия Орлова отметили, что в экспертизе уделяется много места обоснованию нетрадиционного, «сектантского», характера «учения Прабхупады» и что эксперты последовательно сравнивают кришнаитское вероучение с христианством. По мнению журналистов, это свидетельствует о «связи авторов исследования с конфессионально ангажированными организациями “сектоборцев”».

По мнению заведующего кафедрой Истории древнего мира, средних веков и методологии истории ТГУ Олега Хазанова, для томских учёных история с составлением экспертизы стала вызовом. Хазанов отметил, что на историческом факультете ТГУ уже много лет изучают «Бхагавад-гиту» и он сам читает лекции на эту тему. Однако проведение экспертизы было поручено не ему или другим специалистам в этой области, а людям, для которых «Бхагавад-гита» не является предметом научного поиска и которых научное сообщество считает «некомпетентными в вопросе изучения данного материала».

28 декабря 2011 года Lenta.ru опубликовала статью лидера российских кришнаитов Бхакти Вигьяны Госвами, в которой тот, в частности, привёл цитату из экспертного заключения, которая, по его мнению, наглядно показывала ход мысли обвинителей: «“Разумный человек — это тот, кто обладает сознанием Кришны” (БГ 4:12, с. 227). Из данного текста логически вытекает, что не обладающий сознанием Кришны — не разумный человек, то есть неполноценный».

Таким образом, это было классическое торжество «религиоведческого абсурда». Эксперты Сергей Аванесов, Валерий Свистунов и Валерий Наумов анализировали санскритские термины и философские комментарии через призму уголовного кодекса, вырывая фразы из контекста тысячелетней традиции.

Когда дело вышло за пределы Томска, начался цирк, который прокуроры не смогли контролировать. Столкнувшись с аргументами защиты и пристальным вниманием общественности, данные «эксперты» начали отступать. В ходе перекрестного допроса выяснилось:

- Отсутствие компетенции: Аванесов признал, что не является индологом и перепоручил анализ Свистунову.
- Заказной характер: Выяснилось, что ТГУ как университет не давал полномочий на эту экспертизу — она была личной инициативой, подстегнутой «просьбой» спецслужб.
- Научный крах: Под давлением фактов эксперты были вынуждены признать свои выводы «несостоятельными». Это был редкий момент, когда «жернова» дали сбой, наткнувшись на твердый гранит истины.

В итоге все трое — Аванесов, Свистунов и Наумов — фактически отреклись от своих выводов прямо в зале заседаний, признав их «несостоятельными» под грузом очевидных логических противоречий.

Тень инквизитора: роль Александра Дворкина

За спинами томских прокуроров и растерянных экспертов отчетливо проглядывала фигура главного идеолога антикультового движения в России — Александра Дворкина. Президент РАЦИРС и председатель экспертного совета при Минюсте, Дворкин годами создавал идеологическую базу для преследования «нетрадиционных» религий.

Для него «Бхагавад-гита как она есть» была лишь «плохим переводом» и «опасной пропагандой». В самый разгар процесса, в феврале 2012 года, Дворкин прибыл в Томск. Его лекции в Томском государственном университете о «тоталитарных сектах» были призваны создать нужный эмоциональный фон, оправдать репрессии и оказать давление на суд. Он не выступал экспертом официально, но его голос звучал в каждом абзаце прокурорского иска. Дворкин стремился доказать, что кришнаиты — это не часть древней индуистской традиции, а «деструктивный культ», не имеющий права на существование в России.

Дворкин выступал в роли «теневых эксперта», давая системе моральную санкцию на репрессии. Его присутствие в городе в разгар процесса было четким сигналом: Москва следит, Москва одобряет.

Международный резонанс: гнев Индии

Пока томские прокуроры пытались доказать «экстремизм» Кришны, на другом конце света, в Индии, закипал гнев. То, что в Сибири казалось мелким судебным делом, для миллиардной нации стало оскорблением самой души.

События развивались стремительно:

- Протесты на улицах: В Дели и Калькутте люди вышли на митинги. Российский флаг был сожжен перед камерами мировых СМИ — случай для дипломатии РФ беспрецедентный.
- Парламентский кризис: Индийский парламент дважды прерывал свою работу. Депутаты всех партий в едином порыве требовали от правительства защитить священное писание.
- Дипломатический ультиматум: Министр иностранных дел Индии Соманахали Маллая Кришна выступил с жестким заявлением, назвав судебный процесс «абсурдом, инициированным невеждами». Он подчеркнул, что Бхагавад-гита — это не просто книга, а фундамент цивилизации, который стоит «гораздо выше любой дешевой пропаганды».

Посол Индии в Москве Аджай Малхотра лично включился в процесс, напоминая российским властям, что Гита — это не «литература секты», а фундамент цивилизации. Российский посол в Индии Александр Кадакин, дипломат старой закалки, в сердцах назвал томских инициаторов дела «сумасшедшими соседями», чья деятельность наносит непоправимый ущерб имиджу России.

Российское посольство в Индии оказалось в осаде. Дипломатам пришлось в спешном порядке объяснять, что «суд в России независим», хотя в это не верил никто.

Финал сибирского безумия

Под давлением мирового сообщества, академической элиты России и здравого смысла система была вынуждена отступить. 28 декабря 2011 года Ленинский районный суд Томска отказал прокуратуре в признании книги экстремистской. Позже, в марте 2012 года, областной суд подтвердил это решение.

Битва за Гиту была выиграна, но она обнажила страшную правду: в современной России любой священный текст, любая философская мысль могут стать объектом судебной травли, если на то будет воля «экспертов»-инквизиторов и их идеологических наставников. Томское дело стало памятником человеческому невежеству, возведенному в статус государственной политики.

Однако за этой победой здравого смысла скрывается пугающая реальность. «Томское дело» обнажило системный механизм «репрессивной экспертизы», который никуда не исчез. Мы увидели, как легко силовой заказ находит исполнителей в академической среде, как ученые степени становятся прикрытием для интеллектуального подлога, и как идеологические манипуляторы вроде Дворкина используют административный ресурс для борьбы с инакомыслием.

Этот процесс стал свидетельством попытки установления «террора мысли». Когда источником научного заключения становится не знание, а сетевая ненависть, когда философский комментарий приравнивается к террористическому манифесту, — это означает конец науки как института. Томская история — это предупреждение о том, что машина экспертных репрессий всегда находится в режиме ожидания. Она затаилась, готовая в любой момент объявить поиск Истины преступлением против государства, если на то поступит звонок из «правильного» кабинета. Провал инквизиторов в 2011 году был вызван лишь случайным международным резонансом, но сама система, породившая этот абсурд, остается нетронутой, ожидая новых жертв для своего «научного» костра.

4.2. Фалуньгун: как философия стала «опасной»

Утро в городском парке обычно принадлежит тишине. В серой дымке рассвета, когда город еще только начинает стряхивать с себя сон, группа людей — от студентов до пенсионеров — застыла в медленном, почти гипнотическом танце. Это цигун. Их движения плавны, как течения воды; дыхание глубокое и размеренное. В этот момент для них не существует суеты, политики или тревог. Есть только поиск внутренней гармонии.

Это была практика Фалунь Дафа. Безмолвная симфония тел, стремящихся к созвучию с ритмами космоса. Ни выкриков, ни лозунгов — лишь тихое, мерное дыхание и руки, описывающие в воздухе невидимые сферы. В основе этого движения лежали три слова, простые и глубокие, как сама жизнь: Истина, Доброта, Терпение. Для практикующих это были не просто этические категории, а фундамент мироздания. В каждом жесте — попытка преодолеть хаос внутри себя, усмирить гнев, растворить эгоизм и достичь той прозрачности духа, через которую виден свет. Человек становился микрокосмом, настраивающим свои струны по камертону Вселенной. Казалось, что в этом акте созидания гармонии нет и не может быть угрозы.

Но у системы свой слух. И там, где свободный человек видел свет, система почуяла опасность.

История преследования Фалуньгун

Фалуньгун (Фалунь Дафа) — новое религиозное движение, в основе которого лежит традиционная китайская гимнастика цигун в сочетании с элементами буддизма, даосизма и конфуцианства. Движение возникло в начале 1990-х годов в КНР и впоследствии получило распространение за пределами страны. Создатель учения и бессменный лидер Фалуньгун — Ли Хунчжи. К 1999 году, согласно оценкам, примерно 70 миллионов человек в Китае практиковали Фалуньгун. Коммунистическая партия пыталась контролировать это движение, как и другие школы гимнастики цигун, однако потерпела неудачу. Напряжение в отношениях между адептами движения и государством постепенно нарастало. На ранних этапах противостояния власти занялись тотальной пропагандой

вреда Фалуньгун для общества и государства, затем распространились акции по уничтожению книг и буклетов движения, миллионы экземпляров конфисковывали и сжигали. В ответ на репрессии со стороны государства последователи Фалуньгун выходили на мирные демонстрации, которые подавлялись. В 1999 году в стране прошли массовые аресты практикующих Фалуньгун, по некоторым оценкам, только за первую неделю волны репрессий было задержано 50 тысяч человек. Получить информацию об истинном масштабе репрессий достаточно сложно, так как китайские власти преследуют не только последователей Фалуньгун, но и журналистов, в том числе иностранных агентств, пытавшихся освещать это противостояние, о чём свидетельствует доклад организации «Репортёры без границ». В июле 1999 года был принят закон, полностью запрещающий деятельность школы Фалуньгун, а несколько адептов были приговорены к длительным срокам заключения.

По данным Amnesty International, с 1999 года преследование адептов «Фалуньгун» в Китае включало в себя масштабную пропагандистскую кампанию, программу насильственного идеологического преобразования и переобучения, а также целый ряд насильственных мер, таких, как произвольные аресты, принудительный труд и физические пытки, иногда приводящие к гибели людей. Согласно отчёту Килгура-Мэйтаса, имели место незаконное лишение свободы, принудительный труд, извлечение органов.

Тень над парком: импорт репрессий

Вторжение началось не с шума полицейских сирен, а с тихой поступи ядовитых слов. Тень китайских преследований, начавшихся на родине Фалуньгун еще в 1999 году, дотянулась до российских просторов. Инструментом этой тени стал Александр Дворкин — человек, сделавший страх перед «иным» своей профессией.

Духовная дисциплина, которую миллионы людей воспринимали как путь к оздоровлению и внутренней дисциплине, была внезапно облачена в колючую проволоку определений: «деструктивная секта», «тоталитарная организация», «угроза национальной безопасности».

Это была классическая подмена смыслов. Дворкин и его структура РАЦИРС стали проводниками идеологического вируса. Они не изучали философию —

они искали в ней мишени. В их риторике «добродетель» превращалась в «маскировку», а «терпение» — в «психологическое подавление воли». Российская почва, еще не до конца оправившаяся от тоталитарного прошлого, оказалась пугающе восприимчивой к этим семенам подозрительности.

Кульминация этого процесса наступила в 2011 году в Краснодаре. На скамье подсудимых лежало не живое существо, а стопка бумаги, переплетенная в обложку — книга «Чжуань Фалунь». Главный философский труд практики, содержащий наставления о нравственном самосовершенствовании, был выставлен перед судом как орудие преступления.

Картина была пропитана сюрреализмом: судьи и прокуроры с серьезными лицами листали страницы, повествующие о том, что человек должен прежде всего думать о других, избавляться от пристрастий и хранить чистоту сердца. В стенах суда, где обычно разбирают дела о кражах и убийствах, судили мысль. Книга молчала, но ее присутствие в зале суда было громче любых речей — это был манифест того, как государство пытается наложить арест на совесть.

Точкой невозврата стало 27 октября 2011 года. Первомайский районный суд Краснодара вынес решение, которое заставило содрогнуться академическое сообщество: главная книга практики, «Чжуань Фалунь», была признана экстремистским материалом.

Процесс вошел в историю как эталон того, как экспертиза «высасывается из пальца». Суд опирался на выводы экспертов А.В. Богомаза и А.Г. Рогозы, которые усмотрели в текстах о самосовершенствовании признаки разжигания религиозной розни. Логика была поразительной: если автор говорит, что его путь ведет к истине, значит, он косвенно утверждает, что другие пути — ложные. По этой логике под запрет можно подвести любую религиозную или философскую систему мира, от Библии до Канта.

Экспертиза

Чтобы признать книгу экстремистской, системе требовалось «научное» обоснование. И оно явилось в виде заключения заключения экспертов А.В. Богомаза и А.Г. Рогозы.

В заключении была совершена своего рода лингвистическая алхимия: золото духовных истин превращалось в свинец уголовных статей. В этой

интерпретации призывы к отказу от человеческих привязанностей (гнева, жадности, зависти) были истолкованы как «призыв к разрушению социальных связей». Но самым изощренным приемом стало обвинение в «утверждении превосходства».

Эксперты усмотрели криминал в том, что автор книги называет путь самосовершенствования высоким и праведным. По этой логике, если кто-то говорит, что быть добрым — лучше, чем быть злым, он тем самым «пропагандирует превосходство» одной группы над другой.

Любое упоминание об истинности учения превращалось в «унижение достоинства» тех, кто это учение не разделяет.

Это был демонтаж логики. Слова о внутреннем свете были объявлены «психологическим воздействием», а философская глубина — «манипуляцией». Экспертиза Богомаза и Рогозы стала наглядным примером того, как академический язык может быть использован для легализации насилия над здравым смыслом.

Защита пыталась пробить эту стену. В суд представлялись заключения независимых ученых, ведущих религиоведов и лингвистов страны, которые в один голос твердили: в «Чжуань Фалунь» нет ни капли агрессии, ни тени экстремизма. Ученые объясняли, что терминология книги — это традиционный восточный язык самопознания, а не политические лозунги.

Но система была глуха. Суд отмахивался от мнений докторов наук, как от назойливых мух. Для него ценность имело лишь «правильное» заключение, созданное по заказу тех, кто уже вынес приговор. Наука была принесена в жертву целесообразности. Игнорирование альтернативных мнений обнажило истинную суть процесса: это было не правосудие, а карательная операция, облеченная в мантию закона.

Российская Фемида проявила удивительную избирательную глухоту, отсекая мнения настоящих ученых:

- Давид Раскин, начальник отдела научных публикаций Российского государственного исторического архива, изучив труд, отметил: «...учение, изложенное в книге “Чжуань Фалунь”, призывает своих последователей к повышению нравственного и духовного уровня

человека; добросовестному исполнению своих трудовых и гражданских обязанностей, в том числе к воспитанию детей, заботе о своих близких; отказу от вредных привычек, пристрастий человека, в т. ч. курения, употребления алкогольных напитков; культивированию в человеке правдивости, доброго и терпеливого отношения к людям».

- С.С. Шипшин, эксперт Минюста, дал заключение, где книга описывалась как издание для узкого круга, связанное с изучением цигун; защита трактовала это как подтверждение учебного характера текста, но суд не принял такой вывод.

На стр. 8 кассационного определения судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 22.12.2011 по делу № 33-29841/11 приведена позиция, связанная с заключением Шипшина С.С.: книга «Чжуань Фалунь» описывалась как научное издание, отпечатанное в типографии «Наука», содержащее «много большого числа непонятных и неоднозначных нетрадиционных понятий и представлений», требующих изучения теми, кто занимается цигун. Из этого защита выводила, что речь идет об учебном тексте для изучающих данную дисциплину, а не о художественной или экстремистской литературе; однако суд этот вывод не принял.

В итоге Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) позже в январе 2023 года признал признание материалов экстремистскими нарушением статей 9 и 10 Европейской конвенции, указав на недостаточность обоснования общественного вреда и отсутствие критического анализа. Но в России маховик уже был запущен.

Прошли годы, и репрессивный маховик сделал новый виток. В 2020 году ситуация перешла из юридической плоскости в плоскость физического террора. Нежелательными были объявлены семь иностранных организаций, связанных с Фалуньгун.

И вот тогда наступила истинная трагедия. Занятия цигун, встречи, распространение литературы и администрирование сайтов, когда следствие связывало их с деятельностью организаций из перечня «нежелательных», стали поводом для визитов силовиков. Мужчины в камуфляже и масках, вооруженные

автоматами, врываются в квартиры к людям, чья «вина» в материалах дел описывалась через чтение книг, выполнение упражнений и участие во встречах.

Обыски, изъятие ковриков для йоги, допросы, уголовные дела... Система, словно обезумевший зверь, бросалась на тех, кто не мог и не хотел оказывать сопротивления.

В 2020 году Генеральная прокуратура РФ признала семь организаций, связанных с Фалуньгун, «нежелательными». Это стало юридической ловушкой, из которой нет выхода.

Это:

- «Всемирная организация по расследованию преследований Фалуньгун» (США);
- «Коалиция по расследованию преследования в отношении Фалуньгун в Китае» (США);
- «Всемирный совет по спасению подвергаемых гонениям адептов “Фалуньгун”» (США);
- «Друзья Фалуньгун» (США);
- «Врачи против насильственного извлечения органов» (США);
- «Буддистское сообщество “Родники дракона”» (США);
- «Европейская ассоциация “Фалунь Дафа”» (Великобритания).

Как работает этот капкан:

- Размытость: Для признания «нежелательной» не нужно доказывать преступления. Достаточно формулировки «угроза безопасности».
- Массовость: Любое упоминание практики, хранение книги или даже групповое выполнение упражнений в парке теперь трактуется как «участие в деятельности нежелательной организации» (ст. 284.1 УК РФ).
- Последствия: Это открыло шлюзы для обысков по всей стране — от Хакасии до Москвы. Люди, чья единственная «визитная карточка» — стремление к доброте, оказываются на скамье подсудимых рядом с настоящими преступниками.

С начала 2024 года начались преследования граждан в уголовном порядке. При этом зачастую силовики приходят к тем, кто ещё с начала 2000-х годов официально регистрировал ассоциации Фалунь Дафа. Такие ассоциации в различных городах на протяжении многих лет вели вполне легальную деятельность, организовывали занятия гимнастикой, часто в сотрудничестве с местными властями, в парках и на предоставленных им площадках.

Дела российских сторонников Фалуныгун

Группу граждан России преследуют по статье 284.1 УК РФ («Осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности») в связи с причастностью к китайскому религиозному учению Фалуныгун (Фалунь Дафа).

- Антоненко Михаил Викторович, 1984 года рождения, житель Краснодара, учредитель и один из руководителей краснодарской Ассоциации «ЦС ФАЛУНЬ ДАФА», позднее числился её ликвидатором, сотрудник государственного образовательного учреждения. Обвиняется по ч. 3 ст. 284.1 УК РФ («Организация деятельности иностранной или международной неправительственной организации, признанной нежелательной на территории РФ»), срок наказания — до 6 лет лишения свободы. Лишён свободы с 9 августа 2024 года.
- Буслов Геннадий Павлович, 1971 года рождения, житель Раменского Московской области, работает сторожем. Обвиняется по ч. 1 ст. 284.1 УК РФ («Участие в деятельности иностранной или международной организации, признанной нежелательной на территории РФ»), срок наказания — до 4 лет лишения свободы. Лишён свободы с 4 декабря 2024 года.
- Миненкова Наталья Германовна, 1977 года рождения, жительница Москвы, кассир в стоматологической клинике, последовательница Фалуныгун. Обвиняется по ч. 3 ст. 284.1 УК РФ, срок наказания — до 6 лет. Лишена свободы с 3 мая 2024 года.
- Синицын Михаил Владимирович, 1969 года рождения, житель Краснодара, сотрудник администрации Краснодарского края,

учредитель и один из руководителей краснодарской Ассоциации «ЦС ФАЛУНЬ ДАФА» (ликвидирована в 2023 году). Обвиняется по ч. 3 ст. 284.1 УК РФ, лишён свободы с 9 августа 2024 года.

- Чжу Юнь, 1973 года рождения, житель Томска, гражданин России, предприниматель, учредитель и руководитель нескольких компаний, а также соучредитель юридического лица российского сайта информационного агентства The Epoch Media Group, связанного с Фалуныгун. 27 июня 2025 года приговорён к 3 годам колонии общего режима по ч. 3 ст. 284.1 УК РФ. Лишён свободы с 22 ноября 2024 года.
- Щеткина Оксана Анатольевна, 1976 года рождения, жительница Пятигорска Ставропольского края, учредитель и руководитель Пятигорского филиала ассоциации «Фалунь Дафа». 27 ноября 2024 года приговорена по ч. 3 ст. 284.1 УК РФ к 2 годам колонии общего режима. Лишена свободы с марта 2024 года.
- Максинаев Ильдар Исхакович, 1960 года рождения, житель села Аксёново Лямбирского района Республики Мордовия, пенсионер, тренер цигун. 18 декабря 2024 года приговорён к 400 часам обязательных работ по ч. 3 ст. 284.1 УК РФ. Был лишён свободы с 28 августа до 18 декабря 2024 года, после чего освобождён.
- Шибанков Денис Владимирович, 1964 года рождения, житель Ярославля, президент Ярославской федерации смешанных единоборств. 28 июля 2023 года приговорён к 300 часам обязательных работ по ч. 1 ст. 284.1 УК РФ; 27 сентября 2023 года апелляционный суд сократил наказание до 80 часов обязательных работ.

Описание дела

Первое уголовное дело против последователей Фалуныгун в России стало известно в конце июля 2023 года, когда Денис Шибанков был приговорён к обязательным работам. В 2024 году преследование приобрело системный характер.

Пятигорск: Оксана Щеткина, практиковавшая Фалуныгун более 25 лет, учредила Пятигорский филиал ассоциации «Фалунь Дафа» в 2003 году.

Следствие утверждает, что она проводила духовно-оздоровительные практики, встречи, распространяла литературу и «вербовала» новых участников. По версии ФСБ, она «администрировала сайты и продавала печатную и электронную продукцию». 27 ноября 2024 года суд приговорил её к 2 годам лишения свободы.

Москва, май 2024 года: прошла серия обысков и задержаний, в том числе Натальи Миненковой. Следствие утверждает, что она организовывала мероприятия и применяла меры конспирации при общении с членами организации. Её арест неоднократно продлевался, уголовное дело поступило в Тушинский районный суд Москвы 29 октября 2024 года, рассмотрение по существу началось 30 января 2025 года.

Краснодарский край, август 2024 года: обыски прошли в Краснодаре, Новороссийске, Темрюкском, Абинском и Усть-Лабинском районах. Были задержаны Михаил Синицын и Михаил Антоненко, руководители Ассоциации «ЦС ФАЛУНЬ ДАФА». Следствие заявляет, что они вовлекали новых адептов, проводили собрания и распространяли литературу.

Мордовия, 2024 год: Ильдар Максинаев проводил занятия цигун, в том числе с детьми и взрослыми. Был заключён под стражу, 18 декабря приговорён к 400 часам обязательных работ.

Томск, ноябрь 2024 года: Чжу Юнь арендовал помещения для встреч, собирал средства и распространял материалы для популяризации Фалуныгун. Суд избрал меру пресечения в виде заключения под стражу.

Геннадий Буслов, Раменское: после административного наказания за участие в деятельности Фалуныгун был привлечён к уголовной ответственности за продолжение участия.

Фигурантам вменяются:

- проведение встреч и занятий цигун;
- распространение литературы и информационных материалов;
- участие в мероприятиях и конференциях;
- администрирование сайтов.

Эти действия квалифицируются как преступление исключительно из-за их связи с организациями, признанными нежелательными.

Трагедия «запретного дыхания» в России — это не просто история одной группы верующих. Это диагноз судебной и экспертной системе. Когда Д. Раскин в экспертном отзыве указывает на нравственно-воспитательный характер текста, а суд отдает предпочтение заключению, которое позволяет увидеть в нем экстремизм, — экспертиза умирает.

Ситуация с Фалуныгун показала: в руках государства экспертиза может превратить белое в черное, а покой в парке — в угрозу конституционному строю. Моральный крах такой системы очевиден: пытаясь запретить Истину, Доброту и Терпение, власть невольно расписывается в том, что эти качества ей глубоко чужды. Философия стала опасной не потому, что она призывает к бунту, а потому, что она делает человека свободным от страха. А свободный человек — это самый страшный кошмар для тех, кто привык управлять через ложь и насилие.

4.3. Свидетели Иеговы: суверенный экзорцизм — путь от веры к уголовному делу

В истории российского правосудия XXI века наступил момент, когда филология окончательно сменила криминалистику, а лингвистический психоз вытеснил здравый смысл. Этот процесс можно назвать «суверенным экзорцизмом» — ритуальным изгнанием смыслов из текстов и людей, осуществляемым под мантией экспертного заключения. Когда в 2017 году Верховный суд РФ ликвидировал Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России и 395 местных религиозных организаций как экстремистские, открылся портал в новую реальность, где совместное чтение религиозной литературы и молитва вслух могут трактоваться как «продолжение деятельности экстремистской организации».

Самым сюрреалистическим актом этой драмы стало так называемое «Выборгское дело» о признании экстремистским издания «Священное Писание

— Перевод Нового Мира». Здесь государственная машина столкнулась с неудобным препятствием — статьей 3.1 Федерального закона РФ № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который прямо запрещает признавать экстремистскими Библию, Коран, Танах и Ганджур. Казалось бы, патовая ситуация для инквизиции. Но там, где бессилён закон, на сцену выходят «эксперты». Главными героями выступили сотрудники «Центра социокультурных экспертиз» — Наталья Крюкова, Виктор Котельников и Александр Тарасов. Их логика была шедевром схоластического абсурда. Чтобы обойти закон, защищающий Библию, они просто заявили: «Это не Библия».

Наталья Крюкова, педагог по образованию, Виктор Котельников и Александр Тарасов создали документ, который будущие поколения историков права будут изучать как памятник интеллектуальной деградации. Чтобы обойти закон, запрещающий признавать священные тексты экстремистскими, эта тройка пустилась в теологические спекуляции, не имея на то ни квалификации, ни морального права. Они не анализировали текст на наличие призывов к насилию, которых там не было. Вместо этого они ввели понятие «неправильного» перевода. Отсутствие патриаршего благословения, использование имени «Иегова» вместо привычного «Господь» и даже отсутствие креста на обложке стали «научными» аргументами. Цинизм этих заключений достигал апогея в анализе эмоциональной составляющей веры. Крюкова и её соратники всерьёз доказывали, что «чрезмерная любовь» внутри общины и «подчеркнуто вежливое отношение к окружающим» являются признаками психологического манипулирования и скрытой агрессии. Они видели угрозу в том, что люди искренне заботятся друг о друге, называя это «созданием искусственной изоляции адепта от общества». Экспертиза превратилась в лингвистическое манипулирование текстом: слова пророка Исаии о мире превращались в «пропаганду религиозного превосходства», а призывы к нравственной чистоте — в «возбуждение ненависти к тем, кто ведёт иной образ жизни». Это был прямой удар по самой сути человечности — когда добродетель объявляется уликой. Текст, который веками призывал к миру, в их руках превратился в инструмент разрушения государства лишь потому, что он призывал не брать в руки оружие. Это был триумф формы над содержанием, где экспертное мнение стало выше священного писания, а отсутствие канонической печати — признаком государственной угрозы.

Как же российские гуманитарии становятся тюремщиками, доносчиками и добровольными участниками массовых репрессий? Но лучше поставить вопрос по-другому: как тюремщики, доносчики и помощники палачей пытаются выдавать себя за ученых? Не имея профильного образования и публикаций в рецензируемых журналах — выступать сразу в качестве лингвистов, религиоведов, психологов, культурологов?

«Новая Газета» 11 февраля 2022 года опубликовала рецензию на печально известную «экспертизу» Котельникова, Крюковой и Тарасова, которая позволила признать перевод Библии, используемый «Свидетелями Иеговы» экстремистским текстом. В ней можно ознакомиться с тем, как оценили этот «суд» специалисты — знатоки древнегреческого и древнееврейского языков, переводчики библейских текстов, религиоведы, авторы статей и книг об истории христианства и иудаизма.

Фрагмент из отзыва:

Отзыв на экспертизу по иску о признании книг «Священное Писание — перевод нового мира» экстремистской литературой

В июне 2017 г. в Выборгский городской суд Ленинградской области поступила экспертиза нескольких документов организации «Свидетелей Иеговы», в том числе библейского перевода, которым пользуются «Свидетели Иеговы» («Перевод Нового Мира»). На основании данной экспертизы «Перевод Нового Мира» был признан экстремистской литературой, а организация «Свидетели Иеговы» — экстремистской.

Мы, историки и филологи, для которых библеистика является профессиональной областью деятельности, вынуждены констатировать, что произведенный в этой экспертизе анализ является непрофессиональным и некомпетентным.

Следует прежде всего отметить, что авторы экспертизы (Н.Н. Крюкова, А.Е. Тарасов, В.С. Котельников) не обладают необходимыми для экспертизы профессиональными компетенциями. Н.Н. Крюкова представила диплом о присуждении ученой степени кандидата педагогических наук и диплом Педагогического университета о высшем образовании по специальности «математика». А.Е. Тарасов представил диплом кандидата политических наук и

диплом Института иностранных языков о высшем образовании по специальности «иностраные языки» с присвоением квалификации «переводчика-референта английского и немецкого языков». В.С. Котельников представил диплом кандидата политических наук и диплом о высшем образовании по специальности «политология», а также диплом Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета (ПСТГУ) по специальности «религиоведение». Поскольку В.С. Котельников не представил выписки из зачетной ведомости, у нас нет свидетельств того, что он изучал специальные дисциплины, необходимые для анализа проблем библеистики.

Каких бы то ни было научных публикаций, связанных с библеистикой, авторы экспертизы не имеют.

При этом тексты, которыми занялись эксперты, предъявляют к исследователям исключительно серьезные требования даже в сравнении с другими областями гуманитарного знания. Адекватная оценка библейских текстов и других религиозных текстов, основанных на Библии, требует профессионального знания библейских языков — древнееврейского, арамейского и древнегреческого, а также глубокого знания всего комплекса дисциплин, составляющих современную библеистику.

Текст экспертизы выдает полную некомпетентность авторов в этих вопросах. Яркое свидетельство — они даже не в состоянии отличить пересказ библейского текста или цитату из него от собственного творчества адептов организации «Свидетели Иеговы».

О степени знакомства авторов экспертизы с христианством в целом и с православием в частности красноречиво свидетельствует выдвинутое на стр. 32 экспертизы обвинение «Свидетелей Иеговы» в том, что в их толкованиях Библии «основное внимание уделяется символическому и пророческому значению текста, что не характерно для христианства в целом (тем более для православия)». Любой, кто хотя бы поверхностно знаком с православной традицией, подтвердит, что символическое и пророческое толкование ветхозаветных текстов — ее неотъемлемая черта.

Далее в отзыве был представлен детальный анализ текста экспертизы, после чего авторы сделали следующее заключение:

Заключение

Рассматриваемая экспертиза, некомпетентная и непрофессиональная, привела к тому, что ряд людей был приговорен к лишению свободы на реальный срок. Это заставляет нас предоставить широкой публике, а также юридическому сообществу подробный отзыв на нее. Судебные решения, принятые на основании непрофессиональных и некомпетентных экспертиз, дискредитируют российское правосудие.

Подписи

Андросова Вероника Александровна, кандидат богословия (диссертация: «Небесные книги в Откровении Иоанна Богослова: истоки образности, интерпретация, драматургически-композиционная роль»), автор книг «Библия для всех» и «Апокалипсис — книга надежды».

Бабкина Светлана Викторовна, кандидат исторических наук (диссертация: «Сакральное и профанное время и пространство в Кумране»), доцент Центра изучения религий РГГУ, автор ряда статей по библеистике («Жена, прошедшая через плен: тексты Кумрана в библейском и раввинистическом контексте», «Библейское (талмудическое) уголовное право из глубины веков» и др.).

Барский Евгений Викторович, кандидат богословия (диссертация: «Богословское осмысление образа Ездры в Ветхом Завете, в межзаветной и апокрифической литературе»), автор статей по библеистике в «Православной энциклопедии».

Битнер Кирилл Андреевич, кандидат исторических наук (диссертация «Кумранская редакция “Песен Раба Господня” (1QIsaa) как историко-культурный источник»), автор ряда статей по библеистике (в том числе «К проблеме передачи четырехбуквенного имени Бога при переводе ветхозаветных текстов на русский язык»).

Брагинская Нина Владимировна, доктор исторических наук, переводчик, комментатор и исследователь межзаветной, апокрифической и раннехристианской литературы, один из соавторов монографии «Книги Маккавеев», член диссертационных советов РГГУ, МГУ, НИУ ВШЭ, член ряда редколлегий и редсоветов научных журналов по древней истории и культуре.

Графов Андрей Эдуардович, лингвист и переводчик, один из соавторов нового русского перевода Ветхого Завета Российского Библейского Общества (книга Исаяи), автор «Словаря библейского иврита».

Десницкий Андрей Сергеевич, доктор филологических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, эксперт РАН, автор 90 статей по библеистике, а также 10 монографий по Библии («Поэтика библейского параллелизма»; «Библия и православная традиция»; «Сорок вопросов о Библии»; «Введение в библейскую экзегетику»; «Сорок библейских портретов»; «Современный библейский перевод: теория и методология»; «Вожди и цари Израиля»; «Пророки Израиля»; «Послания апостолов»; «Библия: что было “на самом деле”?»).

Дрейер Леонид Матвеевич, старший преподаватель кафедры теологии иудаизма, библеистики и иудаики РГГУ, преподаватель библейского древнееврейского и арамейского языков, автор научных статей по библеистике и древнееврейскому языку Ветхого Завета.

Жукова Людмила Геннадьевна, кандидат культурологии (тема диссертации «Категория Закона в посланиях апостола Павла»), доцент РГГУ, профессор НИУ ВШЭ, преподаватель курса «Функции Священного Писания в авраамических религиях».

Калинин Максим Глебович, преподаватель программы «Христианский Восток» (НИУ ВШЭ), автор статей по библеистике в «Православной энциклопедии».

Киреева Наталья Михайловна, к.и.н., доцент кафедры теологии иудаизма, библеистики и иудаики РГГУ, преподаватель курсов: «Священные тексты авраамических религий: Танах», «Танах и экзегетика».

Коган Леонид Ефимович, д.ф.н. (диссертация «Названия животных в древнееврейском и других семитских языках»), профессор РГГУ и НИУ ВШЭ, преподаватель ряда дисциплин, связанных с библеистикой, автор работ по древнееврейскому языку и Ветхому Завету (в том числе переводов книг Песнь Песней, Экклезиаст, Плач и книги Осии).

Корчагин Алексей Олегович, кандидат филологических наук (тема диссертации: «Лексика жертвоприношения в Масоретском тексте и в

Септуагинте»), старший преподаватель кафедры древних языков исторического факультета МГУ.

Левинская Ирина Алексеевна, доктор исторических наук (диссертация: «Деяния Апостолов как источник по истории еврейской диаспоры»), ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, автор монографий «Деяния Апостолов. Историко-филологический комментарий, главы 1–8», «Деяния Апостолов. Историко-филологический комментарий, главы 9–28», «Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры», *The Book of Acts in Its Diaspora Setting*.

Лёзов Сергей Владимирович, академический руководитель программы «Христианский Восток» (НИУ ВШЭ), кандидат исторических наук, автор монографии «История и герменевтика в изучении Нового Завета».

Луппова Анна Анатольевна, аспирантка НИУ ВШЭ (тема магистерской диссертации — «Культовые реформы» царей Иудеи в свете археологических данных»), автор статей по библеистике в «Православной энциклопедии» и «Большой российской энциклопедии».

Лявданский Алексей Кимович, преподаватель программы «Библеистика и история древнего Израиля» (НИУ ВШЭ), автор научных статей по древнееврейскому языку Ветхого Завета и библеистике в «Православной энциклопедии» и «Большой российской энциклопедии».

Медведева Анастасия Алексеевна (МГУ, ПСТГУ), религиовед, преподаватель дисциплины «Священное Писание Нового Завета» в ПСТГУ, автор ряда научных статей по библеистике.

Мусина Лариса Юрьевна, преподаватель дисциплины «Новый Завет» в рамках программы бакалавриата по теологии (СФИ).

Неклюдов Константин Викторович, кандидат теологии (диссертация: «Галилейский контекст проповеди Иисуса Христа: проблемы, сформулированные библеистикой XIX–XX вв., и их решение в свете современной археологии»).

Селезнев Михаил Георгиевич, кандидат филологических наук, руководитель академической программы «Библеистика и история древнего Израиля» НИУ ВШЭ, в 1991–2010 гг. ответственный редактор нового русского

перевода Ветхого Завета Российского Библейского Общества (переводчик книг Бытие, Исход, Иисуса Навина, Судей, Псалмов).

Смагина Евгения Борисовна, кандидат филологических наук, заведующая отделом истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН, преподаватель дисциплин «Ветхий Завет. Литература Премудрости», «Древнегреческий язык Нового Завета», один из соавторов нового русского перевода Ветхого Завета Российского Библейского Общества (переводчица книг Даниила, Эсфири, Притч, Ездры, Неемии).

Тищенко Сергей Владимирович, автор ряда статей по библеистике, руководитель секции «Библейские исследования» ежегодной Международной конференции по иудаике (2000–2020), один из соавторов нового русского перевода Ветхого Завета Российского Библейского Общества (книги Исход, Левит, Второзаконие).

Шмаина-Великанова Анна Ильинична, доктор культурологии (диссертация «Книга Руфи как символическая повесть»), профессор РГГУ, автор ряда статей по библеистике, а также монографий «Книга Руфи: Перевод; Введение в изучение Книги Руфи; Комментарий» и «Книга Руфи как символическая повесть», один из соавторов монографии «Книги Маккавеев», член диссертационного совета по истории и теории культуры РГГУ и диссертационного совета по философии религии Института философии РАН.

Шуляков Леонид Викторович, преподаватель дисциплины «Библия на перекрестке культурных и религиозных традиций» (НИУ ВШЭ).

Юровицкая Мария Михайловна, преподаватель дисциплин «Функции священных текстов в авраамических религиях», «Методология библеистики» (НИУ ВШЭ).

Ястребов Глеб Гарриевич, магистр теологии, автор ряда статей по библеистике, а также книг «Кем был Иисус из Назарета» и «Работа с научной литературой по Новому Завету».

Кульминация этой драмы развернулась в залах Верховного суда. Здесь «экспертные мнения» окончательно кристаллизовались в окончательный приговор для сотен местных религиозных организаций. Процесс превратился в сюрреалистическое действо, где доводы защиты о праве на веру разбивались о

глухую стену заранее заготовленных формулировок. Суд не интересовали люди, чьи жизни должны были измениться навсегда; его интересовала чистота юридической конструкции, в которой любое упоминание о религиозном превосходстве — естественное для любой религии — трактовалось как разжигание вражды. Логика была беспощадной: если литература признана экстремистской, значит, организация, ее использующая, преступна, а люди, ее читающие, — потенциальные преступники. Свидетели Иеговы были объявлены врагами не за то, что они делали, а за то, во что они верили и как они смели об этой вере говорить.

За спинами судей и прокуроров всегда отчетливо ощущалась тень Александра Дворкина. Его многолетняя работа по созданию образа «тоталитарной секты» стала тем фундаментом, на котором выросло здание процесса 2017 года. Дворкин не просто критиковал — он создавал мифологию опасности, в которой мирные верующие превращались в «агентов влияния» и «разрушителей семей». Эта антисектантская истерия, умело направляемая в нужное русло, позволила обществу проглотить запрет целой конфессии без лишних вопросов.

Особое место в этой системе занимал «экспертный цех» — фигуры вроде Натальи Крюковой, Александра Тарасова и Вадима Котельникова. Их роль в процессе трудно переоценить: они выступали в качестве архитекторов «научной» легитимности преследований. Эти люди обладали удивительной способностью находить «экстремизм» там, где его не видели профессиональные религиоведы и библеисты. Их выводы строились не на глубоком анализе догматики, а на социально-политическом заказе. Они создавали юридические фикции, где отказ от переливания крови превращался в «покушение на жизнь», а проповедь на улицах — в «нарушение общественного спокойствия».

В итоге дело Свидетелей Иеговы стало памятником эпохе, когда экспертиза окончательно подменила собой право, а идеология — здравый смысл. За сухими строчками судебных решений скрывались трагедии тысяч семей, обыски на рассвете и годы тюремных сроков за чтение «неправильной» книги. Решение 2017 года не просто запретило организацию — оно легализовало инквизицию нового типа, где главным доказательством вины становится не поступок, а

содержание домашней библиотеки и верность своим убеждениям, не вписавшимся в официальный стандарт «духовности».

Первый мученик: Дело Денниса Кристенсена

Следом за книгами в жернова системы попали люди. 25 мая 2017 года в Орле произошло задержание, а судебный процесс начался позже и стал точкой невозврата. Деннис Кристенсен, гражданин Дании, человек с открытой улыбкой и искренней верой, стал первой жертвой новой инквизиции. Его «преступление» было зафиксировано на скрытые камеры ФСБ: он открывал ворота Зала Царства, пылесосил ковер и обсуждал с друзьями библейские стихи. Для следствия это стало неоспоримым доказательством «продолжения деятельности экстремистской организации».

Кристенсена обвинили по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ (организация деятельности экстремистской организации). Весь процесс над ним был пропитан духом ксенофобии. Прокуратура рисовала образ «иностранного агента влияния», который через изучение Библии подрывает основы российского общества. Экспертизы в его деле строились на тех же лекалах: проповедь о Царстве Бога трактовалась как «призыв к насильственному изменению государственного строя», поскольку это Царство якобы должно заменить земные власти.

Кристенсен получил 6 лет реального срока. Он стоял в стеклянной клетке, держа в руках ту самую «неправильную» Библию, и улыбался своей жене Ирине. Его срок стал сигналом для всей системы: теперь можно. Теперь иностранный паспорт не становился защитой, а чтение псалмов — прямой путь в колонию общего режима. Орловское дело создало юридический прецедент, где само существование верующего вне государственного контроля было объявлено формой экстремизма.

В основу обвинения легли скрытые аудио- и видеозаписи богослужений и показания скрытого свидетеля «Ермолова». Под этим псевдонимом скрывался преподаватель Орловского государственного университета Олег Курдюмов, с которым Деннис неоднократно общался и который записывал часть их разговоров и богослужений на скрытую камеру, закрепленную сотрудниками ФСБ в его одежде.

Валентина и Роман Барановские

Но система не остановилась на иностранных гражданах. Она обрушилась на самых незащищенных. В Хакасии, в городе Абакане, разыгралась трагедия, обнажившая запредельную жестокость режима. Валентина Барановская, 69-летняя на момент приговора женщина, которой вскоре исполнилось 70, перенесшая ишемический инсульт, и её сын Роман стали объектами преследования по ч. 1 и ч. 2 ст. 282.2 УК РФ (организация деятельности экстремистской организации и участие в такой деятельности).

Следствие обвинило их в том, что они «вступали в разговоры о Боге» и «пели религиозные песни». Для пожилой женщины, едва оправившейся от тяжелой болезни, участие в мирном собрании через интернет стало основанием для приговора в 2 года колонии. Её сыну Роману дали 6 лет. На суде Валентина едва стояла, опираясь на трость, но судья Елена Щербакова была непреклонна. В её логике, пожилая женщина с аритмией и последствиями инсульта представляла такую угрозу национальной безопасности, что её необходимо было изолировать от общества.

Этот приговор стал актом чистого садизма. Система продемонстрировала, что у неё нет возраста, нет сострадания и нет дна. Валентина Барановская стала первой женщиной — Свидетелем Иеговы в России, приговоренной к реальному лишению свободы после запрета 2017 года. В этом деле обвинительная логика вновь сыграла ключевую роль: участие в молитвах и обсуждении веры квалифицировалось как продолжение деятельности запрещённой организации. Любовь матери к сыну и их общая вера были препарированы и поданы суду как преступный сговор.

География репрессий стремительно расширялась, вбирая в себя новые судьбы. В Омске инженер-радиофизик Сергей Поляков и его жена Анастасия столкнулись с системой во всей её первобытной жестокости. При задержании в июле 2018 года Сергея избили и заставили вытирать с пола свою кровь, позже суд просто отказался вносить это в материалы дела. Супруги провели по 5 месяцев в одиночных камерах СИЗО и 3 месяца под домашним арестом. В 2019 году была снова проведена серия обысков у верующих, и фигурантами дела стали Гаухар Бектемирова и Динара Дюсекеева. Суд рассматривал дело почти год. Доказательства вины искали даже в мультфильмах, изъятых при обыске. В ноябре 2020 года Сергей Поляков был приговорен к 3 годам колонии общего

режима, а трем женщинам было назначено наказание в виде лишения свободы условно: Анастасии Поляковой на 2,5 года, Гаухар Бектемировой — 2 года и 3 месяца, Динаре Дюсекеевой — 2 года. В мае 2021 года апелляция оставила приговор без изменений, а в июне 2022 года это поддержала кассация. В ноябре 2022 года Сергей Поляков вышел на свободу, отбыв полный срок заключения в колонии, а в январе 2023 года Верховный суд РФ частично удовлетворил жалобу Полякова в части отбытого им срока наказания. Ни один свидетель обвинения не подтвердил, что действия Поляковых причинили кому-либо вред, но для системы отсутствие жертв никогда не было препятствием для приговора.

Крымская кампания против верующих добавила в эту хронику элемент судебного вероломства. Артем Герасимов из Ялты изначально был приговорен к штрафу в 400 тысяч рублей. Однако система сочла этот приговор слишком «мягким». Верховный суд Крыма пересмотрел решение, заменив штраф на шесть лет колонии. В этом ужесточении проявилась ключевая установка системы: верующий должен быть изолирован, а его жизнь — разрушена. Эксперты в деле Герасимова использовали ту же «лингвистическую воронку»: любое упоминание о том, что вера Свидетелей Иеговы является истинной, интерпретировалось как «пропаганда религиозного превосходства», что автоматически подпадало под определение экстремизма. Его «преступление» — проведение богослужений в частном доме. Следствие и эксперты интерпретировали домашние посиделки с чаем и Библией как «функционирование законспирированной ячейки». В Крыму, где религиозный ландшафт всегда был многообразен, дело Герасимова стало актом запугивания всех «несогласных» с официальной духовной линией.

В мае 2018 года на Дальнем Востоке, в Биробиджане, прошла спецоперация ФСБ с участием 150 силовиков под кодовым названием «Судный день», положившая начало преследованию более 20 семей Свидетелей Иеговы. Алам Алиев, Валерий Кригер, Сергей Шуляренко, Дмитрий Загулин попали в число тех, кого обвинили в экстремизме за проведение богослужений.

Как сообщал портал, освещающий преследования верующих этой конфессии: Осужденного Свидетеля Иеговы из Биробиджана Алама Алиева регулярно водворяли в ШИЗО. Верующий находился на строгих условиях содержания. Его беспокоили высокое давление, боль в области сердца

и слабость, а также боли в животе после приема пищи, головные боли и жжение в стопах. В ШИЗО у Алиева не было доступа к питьевой воде, он мог только получать кипяток по расписанию.

В 2023 году Алиева помещали в изолятор, несмотря на предынфарктное состояние. У верующего были серьезные заболевания — гипертония, ишемическая болезнь сердца, сахарный диабет и проблемы с позвоночником. В 2024 году Свидетель Иеговы тоже оказывался в ШИЗО. Тогда тоже сообщалось, что у осужденного в изоляторе не было доступа к питьевой воде; ему не оказывали медпомощь и не предоставляли обезболивающее.

Приговор Алиеву и другим фигурантам дела вынесли в декабре 2022 года. Алиева, Валерия Кригера и Сергея Шуляренко признали виновными в организации деятельности экстремистской организации (ч. 1 ст. 282.2 УК). Дмитрия Загулина также осудили по статье о финансировании «экстремистской деятельности» (ч. 1 ст. 282.3 УК), это обвинение добавили также Кригеру и Шуляренко. Алиева приговорили к шести с половиной годам колонии, Кригера и Шуляренко — к семи, а Загулина — к трем с половиной.

По версии силовиков, с которой согласился суд, Кригер, Шуляренко и Алиев устраивали религиозные собрания Свидетелей Иеговы в Биробиджане, зная, что организация запрещена. Кроме того, Кригер, Шуляренко и Загулин совершали пожертвования, общая сумма которых составила более 401 тысячи рублей. Сторона защиты отмечала, что суд не доказал, что эти средства расходовались на «экстремистскую деятельность» и не указал время, место, способы сбора, получения, хранения и расходования денег.

В реальности эти деньги шли на оплату аренды помещений и покупку бензина для поездок к единоверцам. Но эксперты-финансисты из спецслужб превратили эти гроши в «финансовую подпитку экстремистского подполья».

В этих делах ликвидация смысла достигла своего пика: пожертвования были юридически приравнены к финансированию экстремистской деятельности. Пожертвование пенсионера на отопление молитвенного дома стало «траншем на подрыв устоев». Защита указывала, что суд не доказал расходование этих средств на насилие, оружие или призывы к насилию.

«Сургутское дело»

«Сургутское дело» стало самой мрачной главой в новейшей истории религиозных гонений в России. Здесь экзорцизм перестал быть метафорой и стал физическим процессом. В феврале 2019 года в Сургуте прошли массовые обыски по 22 адресам, где живут свидетели Иеговы. Обыски продолжались примерно четыре часа, затем всех задержанных доставили в Следственный комитет. Допросы длились до позднего вечера. Задержанные Евгений Кайряк, Вячеслав Боронос, Алексей Плехов, Сергей Волосников, Артем Ким и другие позже расскажут о том, как им надевали на головы полиэтиленовые пакеты, обливали руки водой и били электрошокером в область промежности и ягодиц.

То, что произошло дальше, стало эталоном цинизма государственной экспертной машины. Когда адвокаты зафиксировали ожоги и обратились за медицинской экспертизой, государственные врачи и эксперты Следственного комитета выдали заключения: «следов не обнаружено» или «повреждения могли быть получены в результате бытового травматизма».

Однако защита обратилась в независимый НИИ судебной экспертизы «СТЭЛС» (Челябинск). Эксперты «СТЭЛС», анализируя фотографии, медицинские карты и показания пострадавших, пришли к однозначному выводу: на телах верующих зафиксированы специфические метки — «электрометки», характерные для воздействия током высокого напряжения. Они детально описали парные ожоги, их локализацию и характер заживления, который не оставлял сомнений — это были пытки.

В этой точке смысл был ликвидирован физически: боль человека была объявлена «симуляцией», а обугленная кожа — «декорацией». Пытки в Сургуте показали, что суверенный экзорцизм готов переходить от слов к току, если слово не способно сломить дух.

Так описывает обыск, который начался в 5.45, Игорь Трифонов:

«Раздался резкий стук в дверь: “Открывайте! Следственный комитет”. Я посмотрел в глазок, в дверь долбил человек в гражданской одежде. Я пошел успокоить детей. Мы начали молиться. Через несколько минут вынесли дверь ломом, потом еще сказали, что если бы она была покрепче, пришлось бы дырку выпиливать.

Я услышал от них же, что операция называлась “Север-3”, и подумал, что нас хотят куда-то вывезти. Искали литературу религиозную, планшеты, телефоны. Больше пяти часов искали. Обыск прерывали минут на двадцать, когда у меня поднялось давление, было 198 на 130, начал неметь язык. Они вызвали мне скорую. Дали лекарство и сказали лежать два часа. А как я могу лежать, когда в доме люди с автоматами, дети плачут, я сам сказал им продолжать, как только давление упало до 160. Может, поэтому они и не стали меня мутузить в Следственном комитете. Вещи перебирали корректно, потом меня повезли на допрос, но жену не взяли, может, из-за того, что грудной ребенок».

Леонид Рысиков рассказал о его допросе.

Леонид Рысиков — пожилой человек, на вид около семидесяти лет. Вместе с супругой их забрали после обыска, допрос вели жестко, но не били. Ему стало плохо от того, что творилось за стенкой.

«Когда меня привезли в Следственный комитет, я увидел много знакомых. На весь коридор было четыре стула, на корточки даже присесть было нельзя, разговаривать, шептаться тоже было запрещено. Последний раз я ел в пять вечера предыдущего дня, поэтому ко времени допроса я хотел есть и пить. Сначала все было очень лояльно. У меня был следователь Разин Александр Владимирович, в его кабинете со мной ничего такого не происходило. Но потом меня перевели в другую комнату, там сидел человек с золотыми погонами, а при входе стоял стульчик, меня на него усадили. И сказали: “Руки за спину”. И тут слева за стеной я услышал ужасный крик. Это здание бывшей воинской части. Видимо, во время ремонта сделали гипсокартонные стены.

Я сразу понял, что за стеной был Сергей Волосников. Он кричал: “Я все скажу, только не надо больше!” Мне стало плохо. Следователь спросил: “Ну что, батя, сердце?”

Минут через 20–30 я слышал крики уже других людей. Я думал, у меня остановится сердце. Это был ужас», — говорит Рысиков и плачет.

Дав Рысикову возможность послушать стоны орущих от боли людей, его стали допрашивать несколько человек. По-разному задавали один и тот же вопрос. В какой-то момент Леонид почти потерял сознание, в полуобморочном

состоянии его вывели из кабинета. В это время его жене стало плохо, ей вызвали скорую. После этого ее отпустили, а Леонида допрашивали.

«Их интересовал один вопрос, кто нас финансирует, какая у нас иерархия, старейшина ли я. Я ответил, что в прошлом я был старейшина. Но филиал был закрыт. И все рассыпалась, хотя от этого мы не перестали быть верующими, нам не запрещено общаться. Они пытались вывести меня на то, что я являюсь представителем запрещенной организации.

Они забежали ко мне в кабинет, на одном были перчатки, электрошокер в руках, он им все щелкал. Говорил мне: “Так, Плехов, кто такой Плехов?”

Спрашивали еще про Игоря Трифонова. Я ему сказал, что я знаю такого, но не помню, чем он занимается. В двенадцать ночи меня, наконец, отпустили домой. Я не думал, что возможно такое в нашей стране».

Сергей Волосников был одним из тех, кто сообщил о применении пыток к нему.

«У меня начался допрос на втором этаже. Следователь Гайсин вел допрос. Я ответил на их вопросы, они сняли еще видео, потом следователь Гайсин сходил к кому-то, а когда вернулся, сказал, что мои показания их не устраивают. Меня повели на первый этаж. Там поставили лицом к стене, через какое-то время меня уже завели в маленькую комнату, скрутили из плотной бумаги трубку, ударили четыре раза по голове, били ладонью по лицу, били по почкам кулаком. Но я был в куртке, пуховик у меня плотный, поэтому не ощущал сильной боли. Потом они положили меня на пол, связали руки и ноги скотчем, надели пакет на голову, так, что я дышать не мог. Пакет обмотали скотчем сверху, начали перекрывать мне воздух. Начали говорить, чтобы я дал показания, но я уже следователю все рассказал. Это продолжалось примерно тридцать минут. Я пытался всячески сопротивляться, потому что мне нечем было дышать. Они перекрывали мне воздух в пакете, наверное, думали, что все нормально, ну мне реально не хватало воздуха, у меня было учащенное сердцебиение. Мне было очень страшно, были моменты, когда я настраивал себя, что сейчас задохнусь. Я пытался вырваться, но они держали мои руки, заламывали пальцы, потом облили меня водой и стали бить меня электрошокером, несколько раз ударили меня по ногам, по задней поверхности бедра.

Били меня электрошокером по ягодицам и между ними. Естественно, все это наводило панику, просто жуткую, был момент, когда я вдыхал пакет вместе со воздухом прямо в горло.

В этот момент я попытался зубами разгрызть пакет, чтобы были хоть какие-то дырки, чтобы дышать. Я начал кричать, что все расскажу. Они продолжали меня удерживать на полу и начали спрашивать у меня фамилии. Я им говорил: “Знаю, встречались, виделись”. Только после того, как я начал оговаривать себя, они мне развязали ноги, разрезали ножом скотч. Когда меня пытали, мне хотели сделать укол, я отчетливо чувствовал, как мне прикоснулись чем-то к ягодицам. Потом мне сказали, что следующая вакцина будет со СПИДОМ. Наверно, просто пугали, но я уже в этот момент начал давать какие-то показания.

Поставили меня на колени и прямо с пакетом на голове завели к следователю. Это был второй следователь, Ткач Степан, я начал говорить то, что им хотелось услышать, называть фамилии и отвечать на все остальные вопросы. На допросе они упоминали, что мы разрушаем государственный строй Российской Федерации.

Когда я сидел у следователя Ткача, я слышал, как пытаются Вячеслава Бороноса. Это было прямо за стенкой, поэтому следователь Ткач просто не мог этого не слышать. Когда он решил провести со мной видеодопрос, то пошел и попросил своих: “Ребят, ну успокойтесь пока, у нас тут видеодопрос идет”. Что кричал Боронос, я не разобрал, но я слышал звуки электрошокеров, как они трещали. После этого следователь мне сказал, что мне нужно подождать, потому что надо видеодопрос изложить на бумаге. Следующие два часа я стоял лицом к стене. И пока стоял, я слышал, как пытали Алексея Плехова. Слева от меня лицом к стенке стоял Ким Артем, а справа находился Логинов Сергей».

Вячеславу Бороносу чуть больше пятидесяти лет. На его ногах огромные синие гематомы и следы от шокера. После обысков всю его семью привезли в следственный отдел.

«Где-то в районе двух жену уже допрашивали, когда она вышла, то сказала, что ее угрожали отправить в СИЗО. Потом пригласили сына в другой кабинет на допрос. В коридоре было темно. Рядом стоял Тимофей Жуков, он сказал:

“Слышите? Фиксируйте, что там крики”. У нас не было ни телефонов, ничего, тогда Тимофей сказал: “Просто слушайте”.

Меня допрашивал Асмолов Дмитрий Леонидович, следователь, который вел обыск и допрашивал сына. Мне никто не предложил воспользоваться 51-й статьей, хотя там помимо следователя сидели две женщины, одна из которых, как я потом понял, была адвокатом.

Дмитрий Леонидович дал мне молитву со словами: “Ну что, будем читать?” Я ее скомкал, отдал ему и сказал: “Зачем вы на меня оказываете давление?” Он сказал: “Вячеслав Павлович, вы что-то не то говорите. Подождите в коридоре”.

Меня завели в какое-то санитарно-бытовое помещение, поскольку там были какие-то пластмассовые прямоугольные ведра, тряпки, бумага туалетная. На полу была серая кафельная плитка.

Мне сказали завести руки за спину и начали их поверх одежды сматывать скотчем. Я сразу понял, что что-то неладно, сказал: “Ребята, не надо меня бить, я больной человек. У меня в 90-м году был перелом основания черепа с ушибом головного мозга, я двадцать восемь суток провел в коме, у меня были сломаны два ребра, был сломан таз, у меня сейчас грыжи позвоночника”.

На что они сказали: “Сейчас мы полечим ваши грыжи”.

Потом они замотали понизу ноги скотчем и сказали: “Ложись лбом на эту тряпку”. Мне надели на голову синий полиэтиленовый мешок, такой плотный, и затянули.

Через какое-то время я начал задыхаться. Мало того, что ты задыхаешься, так ты еще видишь глазами, как мешок сжимается, и ты понимаешь, что — все. Я дергался, пытался что-то сделать. На мне сидело постоянно два-три человека, держали коленями, давили, было достаточно больно. Потом мешок отпустили, я начал судорожно дышать. А они начали орать: “Говори!” В следующий раз, когда я сказал: “Не знаю, что вы от меня хотите”. Мне снова надели на голову мешок. Когда я уже начал задыхаться, мне закрыли рот рукой и в области ягодиц ударили электрошокером. Через все тело прошла такая волна-судорога. Я начал орать. Так было несколько раз. Постоянно они кричали: “Кто ты? В какое собрание ходишь? Ты старейшина? Кого ты знаешь?”

Через какое-то время мне пришло в голову схитрить. Когда мне начали завязывать мешок, я набрал полный рот воздуха и затаил дыхание, сделал вид, что я потерял сознание. Тогда мне кто-то положил пальцы на шейную артерию и заорал: “Да он притворяется”. Тогда меня начали бить чем-то по икроножным мышцам. Боль была очень глубокая.

Мне налили на область ягодиц какую-то жидкость и продолжили бить электрошокером. Это было невыносимо.

Все это продолжалось, пока мне не стало плохо. Тогда они сказали, что “отец совсем дурной, коли его”, — и я почувствовал укол. Через несколько минут у меня закружилась голова, и начался жар. Мне сказали: “Вставай”. Я встать сам не мог, мне помогли подняться, развязали руки, также лицом к стене поставили, сняли мешок, дали туалетной бумаги вытереть лицо. И сказали: “Голову вниз”.

Потом ко мне подошел следователь Асмолов, он дал мне влажную тряпку и сказал: “Вытрись”. Я вытерся влажной тряпкой, они сказали: “Отведите его, пускай придет в себя”.

Через какое-то время тот же следователь сказал: “Сейчас вы зайдете в кабинет, адвокат спросит, где мы так долго были. Вы скажете: “Я был на втором этаже у жены с сыном”. Поняли?” Я сказал: “Да, понял”.

И я пошел, хромая. Он сказал: “Так дело не пойдет. Как вы идете? Соберитесь, Вячеслав Павлович, соберитесь и войдите нормально”.

Я собрался, боялся я сильно на самом деле. Собрал, скажем так, волю в кулак, зашел в кабинет. Когда я уже ближе к кабинету подходил, я слышал, что там был возглас: “Давай болгарина”. Болгарин — это Евгений Кайряк.

Я сел в коридоре. Потом через некоторое время следователь завел меня в кабинет напротив и говорит: “Вы посидите здесь, послушайте, как люди говорят”. Там допрашивали Игоря Коботова и Леонида Рысикова.

Рысиков сел на стул, облокотился на свою же куртку и отключился. Следователь ходил, курил вайпер, а потом крикнул ему: “Эй, дед, ну-ка, не спать! Мы тут из-за вас с пяти часов утра торчим”. Леонид очнулся.

Пока я сидел в коридоре, мимо меня прошел Артем Ким. На него смотреть было страшно. Он серый был, даже нельзя сказать, что он шел нормально, он так — передвигался.

Через какое-то время Асмолов вышел и сказал: “Вы можете быть свободны”».

Евгения Кайряка:

«Моего следователя звали Идиатулин Азат Фарисович. На все вопросы я старался ссылаться на 51-ю статью Конституции. Адвоката во время допроса у меня не было, зато было два оперативника. Они мне несколько раз сказали, что сейчас отведут меня в дальнюю комнату. Я проговаривал с опаской, не хотят ли они в отношении меня применить насилие физическое. Меня отвели в конец коридора. Я слышал крики, стоны. Я видел знакомого мне Сергея Волосникова. Он стоял лицом к стене, был весь мокрый от пота. Его били. Мне приказали встать также лицом к стене, стали бить по ногам, чтобы я поставил ноги шире. Меня спросили, буду ли я отвечать на их вопросы, я сказал, что буду, и меня перестали бить. Повели к следователю. Ему я сразу сказал, что на меня оказывают физическое насилие, что меня бьют, следователь никак не отреагировал, он просто начал заново допрос. Я отвечал, где возможно, пользовался 51-й статьей. Тогда за мной опять пришли. Я вышел, и меня повели в конец коридора, в полусогнутом состоянии меня завели опять в техническое помещение.

Приказали лечь на пол, руки за спиной связали скотчем, ноги тоже, перед головой положили какую-то тряпку, чтобы я не бился головой об пол, чтобы меньше следов осталось. Резко надели полиэтиленовый пакет на голову и стали перетягивать пакет на голове, от этого я стал задыхаться.

Потом стали водить по ноге чем-то, я думал, меня хотят изнасиловать и испугался, но они стали меня душить, а дальше бить электрошокером в ягодицы и по ногам. Острая колющая боль пронзила все тело. Параллельно они начали задавать вопросы. Я думал, что я сейчас умру, через какое-то время ты начинаешь оговаривать и себя, и других, потому что хочешь, чтобы все прекратилось, ты просто хочешь, чтобы тебя отпустили.

Я прошел к следователю весь мокрый. Заново начались вопросы. Если я пытался сослаться на 51-ю статью, мне сразу говорили, что сейчас я снова пойду в ту комнату. В самом конце пришел адвокат, про пытки я ничего адвокату не говорил, так как боялся, что он сейчас уйдет».

Следом за Кайряком в техническое помещение отвели Алексея Плехова.

«Я прошел в 201-й кабинет, там был следователь, проводивший у меня обыск, он и допрашивал. Самое интересное, что никто мне не сказал, что я имею право на адвоката ни во время обысков, ни во время допроса, меня никто не спросил, нуждаюсь ли я в нем. А я в нем нуждался. Я никогда с этим не сталкивался, я никогда в жизни не привлекался к уголовной ответственности. На вопрос, какое у меня вероисповедание, я сказал, что верю в Иисуса Христа, в Создателя, отца неба и земли, имя которого Иегова, согласно библии. Впоследствии я узнал, что они обвиняли меня в том, что я способствую вербовке людей, потом они приплели Аль-Каиду, что мы такие же, как и они, что мы их спонсируем. После того, как меня допросил следователь, я подписал свои показания. Следователь сказал мне, что сейчас мы вас отпустим домой. Но меня провели в другой кабинет, где продолжился допрос.

Их интересовал вопрос перевода средств, кто нас спонсирует из США и тому подобное. А другой человек пытался мне нарисовать схему поступления денег.

Допрос был устный, мои ответы их не устроили, и меня отправили в другой кабинет. Там сидел следователь в форме. Мне стали говорить, что сейчас докажут, что я являюсь бухгалтером организации.

Потом зашел большой человек. Я подумал, что ему не хватает фартука мясника, так он выглядел. Он посмотрел на меня как на ягненка, ну и сказал: «Пойдем».

Мы спустились на первый этаж. Меня поставили на колени, сказали голову не поднимать. Я услышал крики и стоны Жени Кайряка. Я слышал, как работал электрошокер. Все это время стоял лицом к стене на коленях, ждал своего часа. Через некоторое время меня завели в темную комнату, закинули руки назад и связали скотчем, а шапку натянули на лицо до упора. Положили меня на пол, связали ноги. Кто-то мне полил воды на ягодицы, на промежность, меня ударили электрошокером. Боль была невероятная. В тот момент, когда меня

ударили током, один начал бить меня по икрам кулаком, кто-то встал на спину мне коленом. Сколько времени продолжались эти истязания, я не знаю.

Потом меня завели к следователю Ткачу. Он начал допрашивать меня, сказал, что я могу позвонить супруге и, что если все будет нормально, возможно, меня отпустит. Все время, пока меня допрашивали, я слышал крики за стеной, слышал тупые удары, слышал электрошокер. Я держался, но был момент, когда я мог потерять сознание.

Я позвонил жене, она спросила, били ли меня, а я ответил, что я их всех очень сильно люблю».

Артема Кима, как следует из его рассказа, водили три раза в комнату пыток, сначала за то, что он использовал 51-ю статью Конституции, потом за то, что отказался дать пароли от телефонов.

«Первой допросили мою супругу. Допрашивали ее примерно часа два, потом зашел я. Я сказал, что мне нужен адвокат. Через пятнадцать минут у меня уже был адвокат Шкредов Анатолий Вячеславович. Я сказал ему, что хочу воспользоваться 51-й статьей, и тот объяснил, как это сделать. Вопросы были касательно веры, были провокационные вопросы. Прошел допрос, съемка велась на телефон следователя, потом следователь дал бумажки адвокату. Адвокат прочитал бумаги, подписал и сказал мне, что мы с супругой сегодня идем домой.

Супругу отпустили, а следователь сказал мне остаться, что со мной хотят еще поговорить оперативники. Минут через пятнадцать зашел какой-то человек и сказал: “Пошли, Ким”. Два человека сопровождали меня до конца коридора, там открыли дверь, я увидел в комнате еще четырех человек. Сказали встать лицом к стенке, расставить ноги. Меня стали бить, говорили, что меня никто не отпускал. Дальше меня завели в полусогнутом состоянии в темное помещение, там поставили лицом к стене, завязали руки за спиной скотчем. Все это время они меня оскорбляли.

У меня подвернулась одна нога, я почувствовал сильный удар, меня кто-то пнул по ягодице. В этот момент мне накинули мешок матерчатый на голову. Перевязали горло скотчем. И сказали, чтобы я стал на колени. Дальше мне сказали лечь головой вниз, я лег, кто-то сел мне на спину и начали тянуть руки

вверх. В этот момент меня начали бить по икрам. Чем били, я не знаю, но удары были болезненные.

Потом я слышал звук электрошокера, кто-то из них сказал мне, что сейчас меня будут жарить, если я не скажу им все. Меня ударили током. Они били и били то в правую, то в левую ногу электрошокером, унижали меня морально, обзывали животным. Я кричал от боли.

Они сказали, чтобы я замолчал, а у меня была паника, потом они взяли электрошокер и ударили током между ягодиц, у меня была истерика, боль была дикая.

После всех этих действий они затянули ногу за ногу и связали скотчем ноги. Еще несколько раз ударили электрошокером, потом начали поливать водой на ступни и ударили током по ступням. В какой-то момент я стал понимать, что если меня поливают водой, то значит, потом пойдет электрошокер. Дальше мне объяснили, что они будут меня насиловать, они начали обсуждать предмет, которым будут меня насиловать, его размеры. Они стянули с меня штаны вместе с нижним бельем и начали водить каким-то предметом по ягодицам.

Потом мне стали угрожать уколом, сказали, что после первого укола у меня будет учащенное сердцебиение, а после второго будет бешено стучать сердце, а третий укол оно просто не выдержит. На правой ягодице я почувствовал шлепок и укол.

У меня начался жар и дикое сердцебиение. Я закричал, что я скажу все, что они от меня хотят.

Они открыли дверь, и я пошел, даже не заметив, что спущены штаны. Мне крикнули: “Ширинку застегни!” Зашел в кабинет к следователю и спросил его, почему меня бьют. Он сказал, что не отпускал меня, дал мне мой телефон и спросил пароль. Я отказался. В этот момент залетело четыре человека в масках, схватили меня, повели опять в то помещение, надели мешок на голову, обвязали горло скотчем. Сказали, что я их обманул, но у них еще вся ночь впереди, и что они привезут еще мою супругу.

Я написал им пароль от телефона. После чего отвели меня к следователю, он начал задавать те самые вопросы, на которые я отвечал с адвокатом, ссылаясь на 51-ю статью Конституции. Мне было тяжело оговаривать людей, я начал

отказываться. Опять влетели три человека в масках, опять отвели меня в ту темную комнату. Надели мешок на голову, начали снова пытаться, бить электрошокером. В этот раз был уже полиэтиленовый пакет. Мы с ними проговорили ответы на вопросы. И только после этого с меня сняли пакет, сказали привести себя в порядок и идти к следователю.

Ко мне привели адвоката Фомину Наталью. Она сказала, что только что говорила со всеми нашими. Все сознались во всем, и что мне тоже лучше сознаться.

Мне дали бумажку об отводе адвоката Шкредова, следующий допрос начался в присутствии адвоката Фоминой. Я плохо соображал. Меня отвели к следователю Ермолаеву, тот сказал, что ему не нравятся мои ответы, он сейчас подкорректирует, а я потом подпишу. Я подписал все. Следователь на своей машине довез меня домой, мы ехали молча. Домой я приехал в час ночи».

Семья Коботовых Игорь, Юлия и их семилетний сын Егор вместе присутствовали в следственном отделе. Игоря не били, но ему угрожали и угрозы выглядели реальными. Супругу грозили посадить, а ребенка отдать органам опеки.

«Следователь начал издеваться: “Чего вы боитесь ребенка взять с собой на допрос, боитесь, что он вас выдаст?” Мы спросили: “Зачем травмировать ребенка? Егорке семь лет”. Мою супругу Юлю допросили и отпустили домой с ребенком, но вскоре следователь приказал их вернуть. По той простой причине, что я захотел воспользоваться 51-й статьей Конституции. Все это записывалось на телефон, тут же пришел полковник, он не представился, и в нецензурной форме сказал мне, что сейчас привезут мою жену оформлять мне в подельники. Другие сотрудники спросили, где искать эту опеку, полковник ответил, что тут не детский сад.

Привезли мою жену с ребенком. Меня все это время прессовали, водили из кабинета в кабинет.

Они угрожали мне распустить шов, который остался после недавней операции.

Следователь сказал, что хирурги тоже плохо могут зашивать. Врачебная ошибка, и все. Позади меня стоял мужчина в резиновых перчатках и постоянно брал меня за плечо. Я сидел в ожидании того, что со мной сейчас что-то сделают.

Мне угрожали изнасилованием, про жену говорили, что ее закроют и тоже будут насиловать. Когда Юлю привезли с ребенком второй раз, их завели со мной в кабинет следователя. Мы втроем обнялись и помолились.

Я сказал Юле, чтобы она говорила все, что требуют, потому что ребенок без нас не выдержит. Ей тоже сказали, что сейчас заберут ребенка, потом их отвели на второй этаж и сказали ждать органы опеки. Егорка плакал, ей пришлось ребенку объяснять, что сейчас мама с папой уедут, а его заберут другие люди. Для ребенка это был большой стресс. Он обнимал маму и кричал, что никуда не пойдет. Через некоторое время к ним подошли и сказали, что они свободны».

Семилетний Егор Коботов сам решил добавить свои мысли про этот день:

«Мне было очень страшно от того, что происходило. Там рассказывали про обыски, что у кого-то даже выломали дверь. У меня был такой ступор, будто якорь на меня упал. Я серьезно думал, что сейчас заберут моих маму и папу, но потом я стал представлять себе это все как цирк. Я стал думать, что это шутка».

Действия сургутских следователей вызывают много вопросов. Главный из них состоит в том, что решение Верховного суда запрещало деятельность именно юридических лиц и формально не затрагивало конституционного права граждан на свободу совести. Поэтому правоохранителям требовалось получить признательные показания, что, мол, существовала именно тайная организация, а не просто группа лиц, которые молились на свой лад. Причем, по-видимому, требовалось получить именно «перекрестные показания», поэтому и была организована спецоперация, получившая название «Север-3».

Тут явная аллюзия на операцию «Север», которую Министерство государственной безопасности СССР (МГБ СССР) провело 1 и 2 апреля 1951 года с одобрения Иосифа Сталина. Тогда более 8500 «членов антисоветской секты» были насильственно депортированы из Прибалтики, Белоруссии, Украины и Молдавии в Сибирь, а их имущество конфисковано. Очевидно, современные следователи и оперативники чувствуют себя прямыми наследниками сталинской госбезопасности.

Не отстают также пресса и гостелерадио, формирующие общественное мнение. После массовых обысков и допросов в Сургуте в ряде изданий появились публикации о том, что Свидетели Иеговы хуже, чем ИГИЛ.

5 декабря 2023 года суд вынес суровые приговоры — условные сроки до 7 лет. Пытки в Сургуте стали окончательным доказательством того, что в борьбе за «духовную безопасность» государство готово переступить любые человеческие и правовые границы.

Множество фигурантов по всей стране стали свидетелями того, как логические тупики обвинения превращаются в фундамент приговора. В каждом деле повторялась одна и та же схема: эксперты Дворкина или обученные на его методичках люди, находили «скрытые смыслы» в самых обыденных вещах. Пение песен Богу объявлялось «психологическим воздействием на адептов», а изучение Библии — «подготовкой к разрушению семьи». Система создала замкнутый круг: организация запрещена потому, что она экстремистская, а её деятельность экстремистская потому, что она продолжает деятельность запрещенной организации. В этом кругу исчезала сама возможность защиты, так как любые аргументы верующих о мирном характере их веры трактовались как «маскировка» и «проявление конспирации».

Ликвидация смысла в процессах над Свидетелями Иеговы достигла своего предела, когда само право на свободу совести было объявлено «ширмой для экстремистской деятельности». Александр Дворкин и его соратники по РАЦИРС достигли своей цели: они создали в России прецедент, при котором государство берет на себя роль верховного цензора человеческой души. Суверенный экзорцизм 2017 года и последовавшие за ним годы террора показали, что закон может быть превращен в инструмент подавления любой автономности сознания. В залах судов, так называемые «эксперты» жонглировали словами, а судьи отправляли за решетку больных стариков, умирал не просто здравый смысл — там окончательно оформлялась новая инквизиция, для которой правда является главным врагом, а человеческое достоинство — лишь досадным препятствием на пути к тотальному контролю.

То, что мы наблюдаем сегодня, — это не просто борьба с конкретной религиозной группой. Это обкатка технологии тотальной интерпретации. Если

эксперт может доказать, что Библия — не Библия, а старая женщина с инсультом — опасный экстремист, значит, границы между фактом и вымыслом больше нет.

«Суверенный экзорцизм» — это процесс, в котором государство изымает из обращения смыслы слов «свобода совести», «научная экспертиза» и «правосудие». На их месте остаются лишь пустые оболочки, заполненные страхом и доносами. Библия под арестом — это не финал, это лишь преамбула к миру, где любая книга, не одобренная «экспертами в рясах и погонах», может быть признана угрозой национальной безопасности.

Имена Кристенсена, Полякова, Барановской и других — это не просто списки в отчетах правозащитников. Это не просто фамилии, а история сломанных судеб эпохи, в которой «царица доказательств» — экспертиза — окончательно превратилась в палача человеческого достоинства.

Призраки прошлого: лексикон смерти: от «Bibelforscher» до «сектоведа»

История не повторяется буквально, она рифмуется. Когда современный обыватель слышит из уст Александра Дворкина или функционеров РАЦИРС слово «секта», он редко задумывается о том, что этот термин прошел долгий путь от теологического определения до эшафота. В тридцатых годах прошлого века в застенках гестапо и СД ковался тот же самый инструмент — лингвистическая стигматизация, превращающая соседа в «врага народа» или «расового неполноценного».

Нацистская Германия: механика исключения.

В 1938 году в недрах службы безопасности СС (СД) был рожден документ, ставший прообразом всех современных антисектантских законов — «Руководство по борьбе с сектами» (Richtlinien zur Bekämpfung des Sektenwesens). Нацисты не просто преследовали инакомыслящих, они создавали «идеологическую экспертизу» (Weltanschauungsfragen). Секты объявлялись источником «саботажа», «шпионажа» и, что особенно важно, «психического вреда» арийской нации.

Особое место в этом списке занимали Bibelforscher — «Исследователи Библии» (Свидетели Иеговы). Почему тихие люди с Писанием в руках стали

экзистенциальной угрозой для Рейха? Потому что их совесть была подчинена Богу, а не государству, а значит — недоступна для Гитлера.

Нацистские эксперты использовали ровно те же аргументы, что и РАЦИРС сегодня: «они зомбированы», «они управляются из-за рубежа», «они разрушают семьи».

Результат этой «экспертной» оценки был страшен: 1200 убитых в лагерях смерти (Дахау, Заксенхаузен), фиолетовые треугольники на робах и тысячи разрушенных жизней. Когда Дворкин вешает ярлык «деструктивности», он фактически цитирует Гейдриха, видевшего в малых религиозных группах «эрозию национального единства».

Монастырские процессы: юстиция как театр.

Нельзя забывать и о «монастырских процессах» (Klosterprozesse). Чтобы дискредитировать Католическую церковь, нацисты инициировали серию сфабрикованных экспертиз и судов, обвиняя священников в «нравственном разложении» и «противоестественных пороках». Это была классическая черная пропаганда под видом юридической процедуры. Мы видим прямое отражение этой тактики в деятельности современных «сектоборцев», когда любая община, не вписывающаяся в их идеологическую матрицу, обвиняется в «изуверстве» без единого доказанного факта, лишь на основании «экспертного мнения» аффилированных лиц.

Термин прошлого	Современный аналог (РАЦИРС)	Цель манипуляции
Sektenunwesen (сектантское зло)	Тоталитарная секта	Дегуманизация группы через страх
Volksfeind (враг народа)	Иностранный агент / угроза безопасности	Политизация религиозного вопроса

Psychische Zersetzung (психическое разложение)	Контроль сознания / «бомбардировка любовью»	Обоснование вмешательства государства
--	---	---

Тень Дворкина.

Деятельность РАЦИРС воспроизводит ряд стигматизирующих приемов, знакомых по тоталитарным практикам XX века. Когда Александр Дворкин или его соратники выступают в судах в качестве «экспертов», они не опираются на религиоведческую науку. Они используют «методологию подозрения».

Их экспертиза — это не поиск истины, а *приговор, вынесенный до начала процесса*.

Мы стоим перед страшным фактом: методы, за которые мир проклинал тоталитарные режимы XX века, сегодня вновь легитимизируются. «Сектоведение» Дворкина — это не наука. Это реанимация самых темных практик контроля над человеческим духом. Тень тоталитаризма снова легла на судебные залы, и инструментом этой тени является подложная, ангажированная экспертиза. Призраки прошлого больше не прячутся — они пишут заключения, по которым завтра могут прийти за каждым.

Дело Виссариона: кейс «Церкви Последнего Завета»

Тишина в предгорьях Западных Саян — это не просто отсутствие звука, это густая, почти осязаемая субстанция, пропитанная ароматом хвои и ледяной свежестью озера Тиберкуль. Здесь, в Курагинском районе Красноярского края, на протяжении трех десятилетий разворачивался один из самых амбициозных социальных экспериментов современной России.

«Обитель Рассвета», или Город Солнца, не был похож на типичную российскую деревню. Здесь не было покосившихся заборов, не пахло перегаром, а входные двери домов часто подпирали веником — нехитрый знак того, что хозяев нет дома, но гостям здесь бояться нечего. Пять раз в день над тайгой разносился колокольный звон. Это не был призыв к церковной службе в привычном понимании; для жителей общины это был сигнал «Слияния» —

момента, когда нужно остановиться, где бы ты ни был, и на несколько минут погрузиться в молитву или раздумья о чистоте помыслов.

Они называли это «Эпохой Рассвета», ведя летоисчисление с 1961 года — года рождения своего учителя, Сергея Торопа, принявшего имя Виссарион. Бывший инспектор ГАИ создал мир, где власть денег и потребительская гонка рассматривались как духовная опасность, а натуральное хозяйство и творческий труд — важной частью пути к спасению. Здесь бывшие инженеры, художники из Риги и Берлина, музыканты и офицеры строили дома, проектировали солнечные батареи и возделывали сады. Это была мечта о потерянном рае, реализованная в масштабах отдельно взятого таежного уголка. Но 22 сентября 2020 года эта мечта столкнулась с железной реальностью государственной машины.

Рассвет того дня начался не с колокольного звона, а со стрекота лопастей. Низко над кронами вековых кедров, взрезая утренний туман, шли вертолеты силовых ведомств. Жители Города Солнца, вышедшие на утренние, задирали головы, не понимая, что происходит. В их мире вертолет обычно означал либо лесной пожар, либо экстренную эвакуацию больного. Но из приземлившихся машин высыпали люди в черном.

Это была операция федерального масштаба: сотрудники ФСБ, бойцы спецподразделений, автозаки, скорые помощи и следователи. По сообщениям СМИ и очевидцев, в операции участвовали несколько вертолетов. Вооруженные люди в балаклавах с автоматами наперевес входили в деревянные дома, при этом публичных данных о вооруженном сопротивлении со стороны общины не появлялось.

Центральные фигуры общины — Сергей Тороп (Виссарион), его пресс-секретарь Вадим Редькин (в прошлом — барабанщик группы «Интеграл») и директор общинной школы Владимир Ведерников — были задержаны с кинематографической жесткостью. На глазах у изумленных последователей их, со скованными за спиной руками, вели к вертолетам.

«Они [силовики], когда приехали, говорили, что их готовили к военной операции, что сейчас с нами воевать будут, что мы будем давать отпор, — позже рассказывал один из жителей, наблюдавший за штурмом. — И были в шоке, что

тут все хорошие, добрые люди, чай предлагают, и они попали просто в какую-то абсурдную ситуацию, и им все это было непонятно и странно».

Контраст был чудовищным: масштабная силовая операция против общины, проповедующей ненасилие и частичный отказ от городского образа жизни. Но чтобы оправдать этот штурм, государству требовалось нечто большее, чем просто подозрения. Ему требовалось экспертное обоснование того, что мирный быт может быть ширмой для преступления.

Здесь, в лесах Сибири, была отработана одна из форм репрессивной инженерии: когда прямые признаки физического насилия спорны или недостаточны, их место занимают психологические и лингвистические конструкции. За вертолетами и спецназом всегда стоит бумага. В деле о ликвидации «Церкви Последнего Завета» такой бумагой стала комплексная психолого-лингвистическая и религиоведческая экспертиза, подготовленная специалистами Сибирского федерального университета (СФУ). Именно вокруг этих экспертных выводов строилась значительная часть юридической конструкции против Города Солнца.

Главное новшество дела Виссариона — обвинение по статье 239 УК РФ: создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью. Поскольку защита и сторонники общины настаивали, что прямых доказательств физического насилия со стороны руководителей общины не было, в материалах дела ключевую роль получило понятие «манипулятивное групповое психологическое насилие».

Это юридическая ловушка колоссальных масштабов. Под слишком широкое определение «психологического насилия» можно подвести что угодно: от монастырского устава на Афоне до корпоративного тренинга в крупном банке. В интерпретации так называемых «экспертов» добровольный отказ жителей общины от мяса (вегетарианство) мог быть представлен как «истощение, подавляющее волю». Коллективный труд по строительству храма — как «эксплуатация». Духовные наставления о прощении и смирении — как «разрушение личности».

Термины вроде «промывание мозгов» или «психокульт», не имеющие четкого юридического определения, переключались из публицистики в материалы уголовных дел. Право человека на свободу совести де-факто ставится под сомнение: государство в лице эксперта заявляет гражданину: «Ты считаешь, что счастлив в этой общине, но на самом деле ты — жертва манипуляций, и мы посадим твоего лидера, чтобы тебя спасти». Самого гражданина при этом спрашивать не обязательно.

За спинами экспертов из Сибирского федерального университета просматривается более широкий идеологический фон российского антикультового движения, в котором заметную роль многие годы играет Александр Дворкин. Как председатель Экспертного совета при Минюсте РФ и руководитель РАЦИРС, он участвовал в формировании терминологической рамки, в которой подобные группы описываются как «тоталитарные секты» и «деструктивные культы».

Дворкин годами последовательно критиковал Город Солнца, называя его «тоталитарной сектой» и «государством в государстве». В его риторике община на Тиберкуле представляла не просто как религиозное движение, а как социальная и политическая угроза. Такая риторика создавала фон, в котором любая неконтролируемая духовная автономия могла восприниматься силовыми структурами как потенциальная угроза.

Кандидат исторических наук из Абакана Станислав Угдыжеков отмечал, что общину Виссариона обличали по федеральным каналам: «Было понятно, что мы идем обычным путем полицейщины. Это полицейская логика, когда [они видят] не контролируемые ими очаги».

Угдыжеков был уверен, что виссарионовцы «ведут большую работу», привлекая в общину тех, кто не смог ужиться в современном обществе или пережил травму и искал утешения. «И когда они нашли отдушину, образ жизни, который их привлекал, они остались и организовали очень устойчивое сообщество. Есть разочарованные, но это нормальная практика: если в сельском округе в 5 тысяч человек за 30 лет не было ни одного убийства, драки, то это большой социальный успех. Нельзя говорить обобщенно, что они наносили вред».

Противоположной точки зрения был Александр Дворкин, считающий общину сектой и недоумевающий, куда раньше смотрели силовики. В девяностые Виссарион, по его мнению, «почувствовал тренд и заговорил на том языке, который люди понимают. Хочешь реинкарнацию — пожалуйста, хочешь уфологию — вот, хочешь астрологию — и она тут, Рерихов — и у меня термины из Рерихов. И сам его имидж — это такой Иисус дешевых американских баптистских фильмов, этакий Sweet Jesus, что тоже в определенном контингенте работает безошибочно».

Ход дела показывает, что исход во многом зависел от того, какие экспертные рамки были заранее приняты следствием и судом.

Выбор учреждения. Почему экспертизу заказали именно в Сибирском федеральном университете (СФУ)? В подобных делах выбор экспертного учреждения имеет принципиальное значение. Государственные вузы и центры, работающие с темами профилактики экстремизма, находятся внутри институциональной системы, связанной с государственным заказом, грантами и ведомственным взаимодействием. Поэтому вопрос о независимости таких экспертиз неизбежно становится одним из ключевых.

Игнорирование альтернатив. Защита ссылалась на альтернативные мнения специалистов, в том числе религиоведов и психиатров, которые критиковали выводы обвинения о «деструктивности» и «психологическом насилии». Однако эти доводы, по позиции защиты, не получили должной оценки в судебном процессе.

Технология формирования заключения

Методология, использованная экспертами СФУ, напоминает средневековую схоластику. Они анализировали не столько реальную повседневную жизнь в Городе Солнца, сколько тексты общины: многотомное «Повествование от Вадима» и проповеди Виссариона. Из этих материалов вычленялись фрагменты, на основании которых затем конструировался образ опасного сообщества.

Особое внимание экспертов привлекло отношение общины к официальным структурам. Например, суждение о том, что современное православие, благословляя армию на боевые действия, вступает в противоречие

с заповедями любви, было интерпретировано экспертами как не просто теологическая дискуссия, а «утверждение нравственного превосходства Виссариона и нравственной неполноценности РПЦ». По логике такого подхода любое сомнение в безупречности традиционных институтов может быть истолковано как признак экстремизма и формирования «религиозной исключительности».

Этот прием — обвинение в «исключительности» — является универсальной отмычкой для российских экспертов-инквизиторов. Невозможно не заметить здесь прямую параллель с делом Международного общества сознания Кришны (ИСККОН) в Томске. Там прокуратура пыталась признать экстремистской книгу «Бхагавад-гита как она есть», в том числе на основании экспертных выводов о религиозной исключительности и негативных оценках иных взглядов. Если следовать такой логике, то любая религия, претендующая на истинность, может оказаться под подозрением, но на практике этот критерий применяется избирательно — прежде всего к тем, кто не имеет «государственной аккредитации» на веру.

Знакомясь с официальными текстами за подписью следователя, прокурора, судьи, можно увидеть чёткую закономерность — многократное повторение слов и фраз, описывающих некоторые события.

Вместо логической цепочки «причина — следствие» и фактического описания событий, подразумевающих преступный характер, в экспертизе многократно используются фразы: «доказано следствием», «осознавая преступный умысел», «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», а также «скрытого манипулятивного группового организованного психонасилия», «применяется такое психологическое средство, как индоктринация», «допускает девиантное (отклоняющееся) поведение», «результатом психологического насилия является деиндивидуализация», «признаки манипулятивного группового организованного психологического насилия (контроль сознания, обесценивание, изоляция, газлайтинг, запугивание, игнорирование, психологическое манипулирование, неинформированная суггестия)».

Такое многократное повторение терминов создает эффект доказанности даже там, где читателю не предъявлена ясная причинно-следственная связь:

какое конкретно действие совершено, кому именно причинен вред, каким способом и чем это подтверждается. Похожий механизм часто используется и в медийных кампаниях: сначала вводится ярлык, затем он многократно повторяется, а затем начинает восприниматься как установленный факт. Ниже — несколько приемов, которые помогают понять, как формируется подобный эффект.

Метод «гнилой селёдки». Так в публицистике называют прием, при котором объект атаки связывается с максимально грязным, скандальным обвинением. Этот прием часто проявляется в медийном освещении уголовных процессов. Для этого важно, чтобы обвинение звучало максимально грязно и скандально.

Цель «гнилой селёдки» вовсе не в том, чтобы обвинение доказать, а в том, чтобы вызвать широкое, публичное обсуждение. Человеческая психика устроена так, что как только обвинение становится предметом публичного обсуждения, неизбежно возникают его «сторонники» и «противники», «знатоки» и «эксперты», «обвинители» и «защитники» обвиняемого. Тогда вне зависимости от своих взглядов все участники дискуссии будут произносить имя обвиняемого в связке со скандальным обвинением, вызывая в дальнейшем негативные ассоциации у услышавших название организации или имя обвиняемого.

Метод «40 на 60» основан на принципе смешанной пропаганды. Его суть заключается в том, что информационный канал значительную часть материалов подает достоверно, нейтрально или даже в логике ожиданий своей аудитории. Это позволяет создать ощущение объективности, снизить критическое сопротивление и сформировать доверие к источнику. Однако внутри этого потока постепенно встраивается меньшая, но стратегически важная часть искаженной информации — нужные акценты, эмоциональные рамки, ложные причинно-следственные связи или заранее подготовленные выводы.

Именно такая пропорция делает метод особенно эффективным: аудитория не воспринимает источник как очевидно пропагандистский, потому что большая часть информации выглядит правдоподобной. Ложь не подается изолированно — она растворяется в массиве достоверных сообщений и потому легче проходит внутреннюю проверку. Человек привыкает доверять каналу, а

затем переносит это доверие и на те элементы, которые были внедрены с манипулятивной целью.

В современных информационных кампаниях этот прием используется особенно часто. Сначала аудитории дают факты, которые она может проверить или с которыми уже согласна. Затем к этим фактам незаметно добавляют интерпретацию, выгодную организатору кампании. В результате человек сохраняет ощущение самостоятельного вывода, хотя сама рамка восприятия уже была заранее сконструирована.

Следующий метод — «большая ложь». Он немного похож на «гнилую селёдку», но работает иначе. С максимальной степенью уверенности аудитории предъявляется глобальная и ужасная ложь, в которую трудно поверить именно потому, что обычный человек не допускает мысли, что кто-то способен лгать настолько масштабно. Суть метода — в правильно скомпонованной и продуманной лжи. Она должна вызвать у аудитории глубокую эмоциональную травму, которая надолго останется вопреки любым доводам логики и рассудка.

Например, сообщение о каком-нибудь зверстве, проделанном над ребёнком. Это надолго формирует негативный взгляд у получившего эту информацию человека, сколько бы его потом ни пытались переубедить, используя обычные логические доводы, опровергающие разумную возможность появления такого события.

Метод «абсолютной очевидности» даёт не быстрый, но надежный результат. Вместо того чтобы что-то доказывать, авторитетно подаётся нужная информация как нечто очевидное и само собой разумеющееся, а потому безусловно поддерживаемое преобладающим большинством населения.

Несмотря на свою внешнюю простоту, этот метод эффективен, поскольку человеческая психика действительно чувствительна к мнению большинства и стремится присоединиться к нему. Важно, чтобы создавалось впечатление безусловной поддержки большинства — в ином случае эффект ослабевает. При соблюдении этого условия число сторонников позиции большинства может постепенно расти.

Одним из распространённых способов использования метода «абсолютной очевидности» является публикация результатов социологических опросов,

которые показывают общественное единство по тому или иному вопросу. В технологиях «чёрной» пропаганды такие отчёты могут использоваться не для описания реальности, а для её искусственного конструирования.

Перечисленные методы «чёрной» пропаганды воздействуют на сознание аудитории на уровне глубоких психологических механизмов таким образом, что последствия этого воздействия сложно снять обычными логическими доводами. «Большая ложь» достигает эффекта с помощью эмоциональной травмы. Метод «абсолютной очевидности» — через эффект присоединения. «Гнилая селёдка» — за счёт внедрения в сознание аудитории прямой ассоциации между объектом атаки и грязным, скандальным обвинением.

В результате спецпропаганды достигается цель: аудитория становится менее восприимчивой к рациональным аргументам и может не только активно поддерживать внедренные в сознание установки, но и агрессивно противостоять тем, кто придерживается иных взглядов или пытается переубедить, пользуясь логическими доводами.

Прослеживается отработанный алгоритм:

Сигналы от «профильных активистов».

Вброс в СМИ ярлыка «тоталитарная секта».

Экспертиза от институционально зависимых или идеологически близких специалистов (СФУ, Центр социокультурных экспертиз).

Судебное решение, в значительной степени опирающееся на выводы экспертов.

Ликвидация «Церкви Последнего Завета» судом в 2022 году по иску прокуратуры стала логическим завершением процесса. Государство, используя экспертизу как инструмент давления, достигло своей цели:

Ликвидация юридического лица: официальный запрет организации позволил лишить общину легального статуса, а также создал правовую основу для дальнейших имущественных и административных последствий.

Судьба лидеров: Сергей Тороп, Вадим Редькин и Владимир Ведерников получили длительные сроки: Тороп и Ведерников — по 12 лет колонии строгого режима, Редькин — 11 лет. С учетом возраста и длительности уже проведенного

под стражей времени эти сроки фактически означают для них крайне тяжелый жизненный приговор.

Трагедия последователей: тысячи людей, построивших дома в сибирской тайге, оказались в состоянии правовой неопределенности. Объявление организации «деструктивной» превратило законопослушных фермеров и строителей в людей, которые могут оказаться под повышенным вниманием со стороны органов опеки и Центра «Э» (Центр по противодействию экстремизму МВД России).

Дело Виссариона — это не локальный конфликт красноярской общины с прокуратурой. Это пример того, как антисектантская сеть, используя псевдонаучные термины и авторитет «экспертов», навязывает обществу стандарт «правильной духовности».

Штурм Города Солнца стал сигналом: в эпоху «экспертократии» никакая тайга не спасет от тех, кто решил, что ваша вера — это диагноз. Инквизиция сменила рясы на халаты ученых и погоны полковников, но методы остались прежними: признание веры преступлением на основании бумаги, которую почти невозможно оспорить.

Дело Виссариона — это манифест Инквизиторов XXI века. Оно показало, что в современной России для уничтожения любой неудобной социальной группы достаточно трех компонентов:

- медийной демонизации;
- псевдонаучного обоснования;
- зависимой или идеологически ангажированной экспертизы, переводящей теологические споры в плоскость Уголовного кодекса.

Когда психологическое насилие становится юридическим фактом без убедительного доказательства самого насилия, экспертиза перестает быть наукой. Она становится карательным клинком, способным разрушить любую жизнь, просто назвав её «неправильной».

Наблюдая за процессом над Виссарионом, невозможно отделаться от ощущения дежавю. Это не уникальный случай, а отработанный алгоритм. Сходная логика применялась и против общин «Свидетелей Иеговы»: сначала в СМИ закреплялся ярлык «опасной секты», затем появлялись экспертизы,

обнаруживавшие экстремизм в религиозных текстах и утверждениях о собственной истинности, и, наконец, следовали обыски и силовые действия.

В Городе Солнца люди строили дома по необычным для городской среды технологиям, создавали уникальные ремесла и верили, что мир можно изменить через личное самосовершенствование. Эксперты увидели в этом «деструктивное стремление к разрушению традиционных ценностей». Парадокс заключается в том, что сама община Виссариона во многом сохраняла те самые традиционные ценности — крепкую многодетную семью, трезвость, уважение к старшим и любовь к земле, — о которых так много говорят с государственных трибун. Но эти ценности были «неправильными», потому что они не были санкционированы сверху.

Дело Виссариона — это манифест новой реальности, в которой мы все оказались. Это реальность, где профессиональная компетенция эксперта теряет значение, если он готов подписать нужный документ. Где «эксперту» дано право решать судьбу религиозного движения с тридцатилетней историей. Где понятия «любовь», «смирение» и «духовный поиск» могут быть официально истолкованы как орудия преступления.

Когда закон подменяется мнением «карманного» эксперта, в зоне риска оказывается каждый. Сегодня это «сектант» из таежной глуши, завтра — преподаватель йоги, послезавтра — любой человек, чьи мысли и образ жизни не укладываются в общепринятый шаблон. Кейс Виссариона — это не только история о религии. Это история о том, как экспертиза превратилась в идеальный инструмент демонтажа свободы совести. И если эта машина не будет остановлена, рассвет, о котором мечтали в Обители на Тиберкуле, может не наступить уже ни для кого.

Стратегическое резюме

Фиксация новой правовой реальности в России:

- Судебная власть в подобных делах фактически передает экспертам чрезмерно большую роль в определении того, что считать «нормальной» и «опасной» религиозной практикой.

- Международно-правовые стандарты свободы совести всё чаще отстают перед риторикой «традиционного порядка» и государственной безопасности.
- Антисектантская риторика, в том числе связанная с именем Дворкина и РАЦИРС, всё заметнее используется в языке государственной безопасности и экспертного сопровождения дел против нетрадиционных религиозных движений.

Глава 5. Как псевдоэкспертиза стала частью государственной системы

5.1. Эволюция экспансии: от РАЦИРС до Минюста

К 2016 году процесс, начавшийся в церковных, общественных и экспертных кругах начала девяностых, достиг новой стадии институционализации. То, что долгое время воспринималось частью академического сообщества как маргинальная «сектофобия» и частная инициатива Александра Дворкина и близких к нему организаций, постепенно стало частью языка государственных органов, силовых ведомств и судебных экспертиз. Кольцо замкнулось: антисектантская риторика, десятилетиями проникавшая в государственный аппарат, начала влиять на правоприменительную практику и внутреннюю политику в сфере свободы совести.

Путь РАЦИРС — Российской ассоциации центров изучения религий и сект — это история постепенного институционального расширения. Если в 90-е годы «сектоведы» выступали преимущественно в роли приглашенных лекторов, путавших провинциальных чиновников «зарубежной экспансией», то к

середине 2000-х их стратегия изменилась. Они перестали просто критиковать — они начали создавать устойчивую объяснительную модель, в которой любое религиозное объединение, не вписывающееся в жесткие рамки «традиционности», описывалось как потенциальная угроза национальной безопасности.

Ключевым этапом этой эволюции стало оформление РАЦИРС как зонтичной структуры, объединившей региональные антикультистские центры. Это была уже не просто группа энтузиастов, а сеть организаций, работавших в контакте с церковными, общественными и государственными структурами. Однако настоящий институциональный рывок произошел в 2009 году, когда Александр Дворкин возглавил Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ.

Это назначение стало актом государственной легитимации антисектантского подхода. С этого момента «сектоведение» — направление, не имеющее самостоятельной специальности в номенклатуре ВАК и оспариваемое значительной частью академического религиоведческого сообщества, — получило доступ к официальной экспертной площадке при федеральном ведомстве. Новый состав Совета вызвал резкую критику со стороны ряда религиоведов, юристов и правозащитников, увидевших в нем риск подмены научной религиоведческой экспертизы идеологически мотивированной оценкой.

Чтобы понять масштаб произошедшей подмены, необходимо разобраться в терминах, которые стали фасадом для новой инквизиции.

Министерство юстиции Российской Федерации — федеральный орган исполнительной власти, в чьи обязанности входит регистрация некоммерческих и религиозных организаций, контроль за соблюдением ими устава и проверка их деятельности на соответствие закону.

Государственная религиоведческая экспертиза — официальная процедура, назначаемая в случаях, когда у государства возникают вопросы к религиозному характеру организации, достоверности сведений о ее вероучении или соответствии заявленных форм деятельности фактической практике. По

замыслу закона, такая экспертиза должна быть объективной, научной и независимой от конфессиональных интересов.

Экспертный совет — коллегиальный консультативный орган при Министерстве юстиции, участвующий в подготовке заключений в рамках государственной религиоведческой экспертизы. Его выводы формально имеют рекомендательный характер для Минюста и его территориальных органов, однако на практике такие заключения могут оказывать существенное влияние на регистрацию религиозных организаций, проверки, административные решения и последующие судебные процессы.

До 2009 года Совет воспринимался как более академически ориентированная площадка, в составе которой были известные религиоведы и специалисты по государственно-конфессиональным отношениям. Всё изменилось после приказа Минюста РФ от 18 февраля 2009 года № 53, утвердившего новое положение о государственной религиоведческой экспертизе и новый формат работы Совета. В апреле 2009 года председателем нового состава Совета стал Александр Дворкин.

Назначение Дворкина вызвало резкую реакцию в академических и правозащитных кругах. Критики указывали, что он не имеет базового светского образования именно по религиоведению, а само «сектоведение» не является самостоятельной признанной научной специальностью в системе ВАК. Его сторонники, напротив, ссылались на его богословское и историческое образование, многолетнюю работу с новыми религиозными движениями и международные связи в антикультовой среде. Именно это противоречие стало центральным: государственный орган, призванный обеспечивать нейтральную экспертизу в светском государстве, оказался связан с фигурой, давно выступавшей как активный идеолог антисектантского движения.

Основные аргументы критиков назначения

Отсутствие профильной светской религиоведческой подготовки. Критики подчеркивали, что Дворкин не является академическим религиоведом в классическом смысле, а используемое им «сектоведение» воспринимается многими специалистами не как нейтральная научная дисциплина, а как идеологически окрашенная система оценки.

Идеологическая предвзятость. Вопрос ставился так: может ли быть независимым экспертом человек, который на протяжении многих лет публично использует в отношении целого ряда религиозных меньшинств стигматизирующий термин «тоталитарная секта»?

Конфликт интересов. Критики опасались, что Совет при Минюсте может превратиться не в площадку академической экспертизы, а в инструмент влияния антисектантских структур, связанных с РАЦИРС и Центром Иринея Лионского.

Религиоведы, юристы и правозащитники выступали с критикой нового состава Совета. Екатерина Элбакян указывала на проблему профессиональной квалификации членов Совета и отсутствие у многих из них религиоведческого профиля. Анатолий Пчелинцев и другие участники дискуссии говорили о риске превращения экспертного органа в подобие «суда инквизиции». В апреле 2009 года была инициирована акция «Инквизиторам — нет!», в рамках которой критики нового Совета обращались к министру юстиции и высшему руководству страны.

Создание Экспертного совета в составе 2009 года стало поворотным моментом для института государственной религиоведческой экспертизы. С этого момента резко усилились опасения, что экспертиза в делах о религиозных меньшинствах может перестать быть инструментом нейтрального научного анализа и превратиться в механизм идеологической квалификации «правильной» и «неправильной» религиозности.

Подмена академического религиоведения сектоведением привела к созданию атмосферы давления на независимых ученых. Любой религиовед, который отказывается подписывать обвинительные экспертизы или заявляет об отсутствии экстремизма в текстах Свидетелей Иеговы, новых религиозных движений или других групп, рискует столкнуться с публичной дискредитацией.

Таких специалистов клеймят «защитниками сект», «агентами влияния» и «предателями интересов России». Против известных ученых и юристов, критикующих антисектантскую практику, разворачиваются кампании в прессе, на телевидении и в профессиональной среде. РАЦИРС и его сторонники

используют тактику давления: публикации, обращения, жалобы, публичные обвинения и попытки вытеснить неудобных специалистов из экспертного поля.

В результате многие ученые просто не хотят участвовать в судебных процессах, понимая, что их профессиональная позиция может обернуться не научной дискуссией, а личной травлей. Поле экспертизы постепенно оказывается очищенным для «своих» — людей, чья квалификация может быть спорной, но чья идеологическая позиция полностью совпадает с ожиданиями следствия.

5.2. Экономика антисектантской экспертизы: гранты, контракты и рынок заключений

Любая идеологическая инфраструктура требует ресурсов. Антисектантское движение в России держится не только на убеждениях, публичных лекциях и медийных кампаниях, но и на вполне материальных механизмах: грантах, договорах на проведение экспертиз, образовательных семинарах, издательских проектах и сотрудничестве с государственными и муниципальными структурами.

Долгое время деятельность антисектантских организаций воспринималась как частная инициатива группы православных активистов и экспертов. Однако в 2010-е годы она получила дополнительную легитимацию через государственные и окологосударственные механизмы поддержки.

Показательным эпизодом стал 2011 год. Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского, возглавляемый Александром Дворкиным, получил государственный грант в размере 2 500 000 рублей на проект помощи людям, пострадавшим от «тоталитарных сект». Для небольшой специализированной организации такая сумма имела не только финансовое, но и символическое значение: государство фактически признавало этот центр легитимным участником политики в сфере «профилактики» религиозных угроз.

Антисектантская повестка стала достаточно значимой для того, чтобы получать государственную поддержку. С этого момента деятельность подобных структур уже нельзя рассматривать только как частную полемику между религиозными группами. Она входит в сферу публичной политики, бюджетного финансирования и ведомственного взаимодействия.

Система работает через несколько каналов.

Первый канал — государственные и президентские гранты. Они позволяют организациям оформлять свою деятельность как социальную помощь, профилактику экстремизма, защиту семьи или поддержку людей, пострадавших от деструктивных культов.

Второй канал — образовательные мероприятия. Лекции и семинары для педагогов, социальных работников, сотрудников правоохранительных органов и муниципальных служащих формируют устойчивый язык описания религиозных меньшинств как потенциальной угрозы.

Третий канал — рынок экспертных заключений. Религиоведческие, психолого-лингвистические и комплексные экспертизы в делах о религиозных объединениях оплачиваются в рамках государственных, судебных или частных процедур. Открытые прайс-листы экспертных организаций показывают, что стоимость таких исследований может составлять десятки и сотни тысяч рублей в зависимости от сложности, объема материалов и процессуального статуса экспертизы.

Таким образом формируется специфический рынок экспертиз, на котором идеологически близкие специалисты получают возможность влиять на судьбу религиозных и общественных организаций через документы, обладающие процессуальным весом.

Опасность этой системы заключается в том, что финансовый и экспертный интересы могут начать взаимно усиливать друг друга. Чем больше групп описывается как «деструктивные», тем выше спрос на лекции, методички, мониторинг, консультации и экспертизы. Чем больше таких экспертиз появляется, тем сильнее в правоохранительной и судебной практике закрепляется сама логика «сектантской угрозы».

В этом смысле «экономика антисектантства» — это прямой коммерческий заговор. Это сложный механизм: идеологическая повестка получает бюджетное и институциональное питание, а затем начинает воспроизводить сама себя через гранты, контракты, судебные процедуры и медийный спрос на «экспертов».

Прейскурант правосудия: сколько стоит экспертное заключение?

Если гранты — это стратегическое топливо, то судебные экспертизы — это операционная часть системы. В России сформировался рынок экспертных услуг, где религиоведческие, психолого-лингвистические и комплексные исследования стали отдельным сегментом.

Типовые предложения на рынке экспертных услуг показывают, что стоимость внесудебных и судебных исследований может начинаться от десятков тысяч рублей и расти в зависимости от сложности дела, объема материалов, срочности и необходимости комплексной работы нескольких специалистов.

На первый взгляд, суммы могут показаться умеренными. Но если учесть количество административных и уголовных дел против религиозных меньшинств, становится понятно: речь идет не только о научной работе, но и о рынке документов, от которых зависят судьбы людей.

Эти деньги — лишь видимая часть системы. Основной ресурс экспертов-«сектоведов» формируется не только из официальных платежей за конкретные заключения, но и из бюджетных назначений, договоров, образовательных программ и ведомственного спроса на «профилактику экстремизма».

Так возникает опасная логика:

следствию нужен документ, подтверждающий обвинительную версию;

эксперт, разделяющий антисектантскую идеологию, способен дать нужную интерпретацию;

государство оплачивает процедуру из средств, выделенных на следственные действия, профилактику экстремизма или экспертное сопровождение.

Даже если каждый отдельный договор формально выглядит законно, в совокупности формируется система, где экспертиза перестает быть

нейтральным инструментом поиска истины и превращается в часть обвинительного конвейера.

Центр Иринея Лионского: идеологический узел сети

Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского выступает одним из ключевых идеологических узлов российской антисектантской сети. Будучи связанным с РАЦИРС и Александром Дворкиным, он участвует не только в публичной полемике, но и в формировании экспертного языка, через который новые религиозные движения описываются как угроза личности, семье, обществу и государству.

Валерий Отставных, бывший участник антисектантской среды, в своих интервью неоднократно подчеркивал закрытый и сетевой характер подобной деятельности. В этом контексте Центр выполняет функцию не просто общественной организации, а площадки, где частные жалобы, идеологические оценки и медийные обвинения получают вид «научного мониторинга».

Под прикрытием «профилактики экстремизма» подобные структуры могут получать доступ к нескольким источникам влияния:

муниципальным и образовательным мероприятиям для учителей, социальных работников и чиновников;

церковным и общественным ресурсам, мобилизованным вокруг темы «сектантской угрозы»;

грантам и субсидиям на издательские, просветительские и консультационные проекты;

экспертным заключениям, которые затем используются в административных и судебных процедурах.

Так формируется инфраструктура, где идеология, экспертиза, медиа и бюджетное финансирование начинают работать в одном направлении.

ROI репрессий: окупаемость страха

В экономике есть понятие Return on Investment — окупаемость инвестиций. В экономике антисектантства такой «возврат» измеряется не классической прибылью, а усилением институционального влияния: количеством проведенных семинаров, подготовленных методичек, инициированных

проверок, написанных экспертиз, запрещенных организаций и реальных сроков лишения свободы.

Каждый грант, каждая лекция, каждая публикация и каждая экспертиза усиливают общий нарратив: «секты» опасны, «эксперты» необходимы, государство должно действовать жестче. Это самоподдерживающаяся экосистема. Чем больше угроз описывается, тем выше спрос на тех, кто обещает эти угрозы распознавать. А чем больше таких специалистов получает доступ к государственным площадкам, тем более влиятельной становится сама логика антисектантского преследования.

За фасадом борьбы за чистоту веры скрывается жесткая институциональная логика. Современная «инквизиция» — это не костры, а грантовые заявки, методические пособия, счета за экспертизы, акты выполненных работ и судебные документы. И пока государство готово платить за страх, рынок экспертного подтверждения этого страха будет воспроизводиться.

5.3. Архитектура захвата: как «частная инквизиция» стала частью государственной доктрины

Необходимо подняться над разрозненными фактами — грантами, спорными квалификациями, ангажированными экспертизами и обвинительными судебными практиками, — чтобы увидеть целостную конструкцию. То, что на первый взгляд кажется чередой досадных судебных ошибок или частной инициативой группы радикалов, на поверку оказывается устойчивой архитектурой влияния. Это система, в которой государственные институты постепенно делегировали право на определение «нормы» и «патологии» в духовной жизни узкой группе лиц, превративших религиоведческую экспертизу в инструмент идеологического контроля.

Главная инновация, внедренная РАЦИРС и Александром Дворкиным в российское правовое поле, — создание замкнутого репрессивного цикла. В

классической правовой системе следствие, экспертиза и суд разделены: эксперт должен быть независимым лицом, дающим объективную оценку фактам. В системе антисектантского лобби эти границы размываются.

Стадия инициации — сигнал или донос. Члены РАЦИРС, связанные с ними «центры помощи пострадавшим» или близкие к ним активисты публикуют статью, дают интервью или направляют заявление в правоохранительные органы, маркируя ту или иную группу как «тоталитарную секту». Термин, не имеющий юридического определения, служит сигнальным флажком для силовиков.

Стадия подготовки — обучение исполнителей. На протяжении десятилетий Дворкин и его соратники проводили семинары для сотрудников МВД, ФСБ, прокуратуры, образовательных и муниципальных структур. На этих встречах следователям и чиновникам внушалась простая схема: «сектант» — это не просто представитель иной религиозной традиции, а скрытый экстремист, агент влияния или источник социальной опасности. Следовательно, процедурная жесткость в отношении него получает моральное оправдание.

Стадия реализации — экспертиза. Когда дело доходит до суда, следствие обращается за «независимым мнением». И здесь капкан захлопывается. Заключение нередко готовится специалистами, работающими в той же идеологической рамке, которая ранее сформировала саму проблему. Эксперт оказывается не нейтральным исследователем, а участником общей системы координат, где обвинительный вывод фактически задан заранее.

В этой схеме эксперт может становиться одновременно идеологом обвинения и его научным обоснованием. Он не столько исследует истину, сколько подтверждает ранее сконструированную модель, облекая ее в псевдонаучные термины вроде «деструктивного культа», «тоталитарной секты» или «психологического насилия».

2016 год: «закон Яровой» и расширение административного контроля над миссионерской деятельностью

Если до 2016 года антисектантская риторика чаще работала через экспертизы, медийные кампании и точечные судебные процессы, то пакет поправок, известный как «закон Яровой», создал для нее новую правовую среду.

Формально эти поправки принимались как антитеррористические меры, однако один из их блоков существенно изменил регулирование миссионерской деятельности.

Ключевым нововведением стало расширительное и достаточно размытое описание того, где, кем и при каких условиях может осуществляться миссионерская деятельность. Закон не сделал любое обсуждение религии преступлением и не запретил частную молитву или чтение священных текстов дома. Но он создал риск административного преследования в ситуациях, когда частное религиозное общение может быть истолковано как миссионерская деятельность без надлежащего статуса, полномочий или места проведения. Именно в этом состояла его опасность для религиозных меньшинств.

Криминализация не самой веры, а формы ее публичного выражения. Чтение Библии, молитва, йога или религиозная беседа в частной квартире сами по себе не являются преступлением. Однако приглашение новых участников, распространение материалов, публичные встречи, онлайн-публикации или деятельность от имени незарегистрированной либо запрещенной группы могут быть квалифицированы как нарушение правил миссионерской деятельности и повлечь административную ответственность.

Удар по малым религиозным общинам. Закон особенно болезненно затронул группы, которые не имеют крупных культовых зданий и традиционно существуют через домашние собрания, малые группы, неформальные встречи и личное общение. В отличие от крупных конфессий с развитой инфраструктурой, такие объединения оказались более уязвимыми перед проверками, жалобами и административными протоколами.

Расширение пространства для доносов и экспертных интерпретаций. После 2016 года бытовой конфликт, жалоба соседей или сообщение «профильного активиста» могли стать поводом для проверки: была ли встреча религиозной, велась ли миссионерская деятельность, имел ли человек право говорить от имени организации, были ли использованы религиозные материалы. В такой ситуации экспертная оценка снова приобретала непропорционально большое значение.

Таким образом, «закон Яровой» не закрепил право эксперта-«сектоведа» буквально входить в любой дом. Но он создал правовую среду, в которой домашняя и полупубличная религиозная активность религиозных меньшинств стала значительно более уязвимой для административного контроля.

Угроза институту права: конец правовой определенности

Самая большая опасность созданной архитектуры заключается не только в преследовании отдельных групп — будь то Свидетели Иеговы, последователи Виссариона, протестантские общины или новые религиозные движения. Трагедия в том, что эта система разрушает фундамент права в масштабах всей страны.

Когда суд принимает в качестве доказательства экспертизу, основанную на термине «тоталитарная секта», он входит в зону правовой неопределенности. И вот почему.

Нарушение принципа правовой определенности. В праве закон должен быть предсказуем. Человек должен понимать, за что его могут наказать. Но поскольку «признаки секты» в антисектантской риторике включают такие размытые понятия, как «закрытость», «наличие лидера», «дисциплина», «сбор пожертвований» или «особый язык», под это описание можно подогнать множество организаций: от религиозной общины до политической партии, закрытого клуба, корпоративного тренинга или сетевого маркетинга.

Введение в оборот внеправовых понятий превращает правосудие в лотерею. Если сегодня эксперт может объявить «деструктивным культом» группу людей, читающих Веды, то завтра на основании той же методологии «тоталитарным сообществом» может быть объявлена любая НКО или гражданская инициатива, не согласующаяся с текущей повесткой.

Основные риски для общества очевидны. Эрозия научного знания. Когда государство наделяет статусом главного эксперта человека с ярко выраженной идеологической позицией и спорной академической квалификацией в сфере религиоведения, оно обесценивает настоящую науку: академическое религиоведение, лингвистику и психологию.

Деградация следствия. Следователям всё меньше нужно искать доказательства реального ущерба: краж, насилия, мошенничества, угроз или

принуждения. Им достаточно получить заключение, где законное религиозное поведение описано языком «деструктивности», «манипуляции» или «скрытого вреда».

Создание параллельного экспертного правосудия. РАЦИРС и связанные с ним круги фактически формируют неформальную систему предварительной квалификации: сначала группа объявляется опасной в экспертно-медийном поле, а затем эта оценка начинает двигаться по цепочке следствия, экспертизы и суда.

Архитектура захвата завершена. Частная антисектантская инициатива, начавшаяся в церковных помещениях и на страницах малотиражных брошюр, проросла в Министерство юстиции, законодательство и систему подготовки кадров силовых ведомств. Александр Дворкин и его структура создали прецедент, при котором идеологическая неприязнь может получать форму экспертного заключения и становиться основанием для административного или уголовного преследования.

Это механизм, который работает почти без сбоев: деньги налогоплательщиков через гранты, контракты и ведомственные программы идут на содержание инфраструктуры, которая обучает чиновников и силовиков видеть угрозу в религиозной инаковости, а затем участвует в экспертном оформлении этой угрозы. В такой системе всё меньше места остается защите прав человека, Конституции и свободе совести. Есть только новый «молот ведьм», который теперь находится в руках людей, официально именующих себя государственными экспертами.

5.4. Институциональная замкнутость экспертно-репрессивного цикла

В механике политических и религиозных репрессий современной России существует феномен, который можно назвать «Монолитом». Это не просто случайное совпадение интересов различных ведомств, а устойчивое сращивание идеологических центров, следственного аппарата, экспертного сообщества и

судебной власти. В этой системе истина не рождается в споре — она назначается в закрытых кабинетах, а затем облекается в форму экспертного заключения, становясь почти неоспоримым фактом.

«Монолит» функционирует по принципу герметичности системы. Это структура, защищенная от внешних сигналов, альтернативных мнений и механизмов самокоррекции. Внутри «Монолита» каждый элемент служит подпоркой для другого.

РАЦИРС — Российская ассоциация центров изучения религий и сект — выступает в роли идеологического цеха. Именно здесь генерируется первичный язык обвинения: «тоталитарные секты», «психокульти», «духовная экспансия», «деструктивное влияние». Эти понятия не имеют устойчивого правового статуса и оспариваются в академическом религиоведении, но обладают мощной энергией обвинения.

Следственные органы используют наработки антисектантской среды для инициации уголовных и административных дел. Для следователя «эксперт» из структур, близких к РАЦИРС, может становиться удобным союзником: он не будет спорить о контексте свободы совести, а даст заключение, позволяющее квалифицировать религиозную практику как угрозу.

Министерство юстиции легитимизирует эту деятельность через механизм государственной религиоведческой экспертизы и экспертных советов. Присутствие представителей антисектантского движения в подобных структурах создает риск превращения государственной экспертизы в инструмент идеологической оценки.

Федеральные СМИ завершают цикл, создавая необходимый общественный фон. Репортажи о «разоблачении опасных сектантов» выходят еще до решения суда, формируя у зрителя и, что особенно важно, у правоприменителя установку на обвинительный исход.

В этой цепочке возникает презумпция виновности. Несмотря на статью 49 Конституции РФ, в делах о «сектантстве» и экстремизме обвиняемый часто изначально рассматривается как носитель социально опасного «вируса». Бремя доказывания отсутствия вреда фактически ложится на него, но любые его доводы разбиваются о гранитную стену «Монолита».

Триада «следователь — эксперт — судья»

Основой «Монолита» является устойчивая связка трех акторов. Открытая судебная статистика показывает, что доля оправдательных приговоров в российской судебной системе остается крайне низкой и в последние годы обычно составляет доли процента. Для дел с политическим, экстремистским или идеологическим компонентом это особенно опасно: экспертиза фактически превращается в документ, который суд редко готов критически пересматривать.

В российском контексте это приводит к тому, что экспертиза становится почти «царицей доказательств». В делах, где предметом преступления является текст, мысль, молитва, проповедь или религиозная литература, судья, не обладающий специальными знаниями в лингвистике, теологии или религиоведении, часто полностью делегирует оценку эксперту.

«Суд не вправе подменять специальные знания эксперта собственными суждениями» — подобная логика, повторяемая в приговорах и определениях, становится эпитафией на могиле состязательности сторон. Формально суд сохраняет право оценивать доказательства по внутреннему убеждению. На практике экспертное заключение нередко воспринимается как документ, который почти невозможно опровергнуть.

Статья 307 УК РФ — заведомо ложное показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод — в теории должна служить предохранителем от лжи. На практике привлечь эксперта к ответственности по этой статье крайне сложно: необходимо доказать не просто ошибочность заключения, а заведомую ложность. В религиоведческих и психолого-лингвистических делах это особенно трудно, потому что спорные выводы часто маскируются под «научную интерпретацию» или «экспертное мнение».

Формально закон грозит эксперту серьезной ответственностью, если ложное заключение ломает жизнь человеку в рамках обвинения в тяжком преступлении. Но дьявол, как всегда, в деталях — в доказывании умысла и в специфике самого религиоведческого дискурса.

Недоказуемость умысла. Чтобы привлечь по статье 307 УК РФ, нужно доказать заведомость. Эксперт всегда может сказать: «Это мое научное видение». В области религиоведения, где десятилетиями внедрялись оценочные

ярлыки вроде «тоталитарная секта», любая идеологическая конструкция может маскироваться под интерпретацию.

Корпоративная солидарность. Антисектантская среда сформировала сеть специалистов, объединенных не столько общей академической школой, сколько общей повесткой. Когда один эксперт делает спорный вывод, его поддерживают другие представители той же идеологической системы. Так возникает замкнутый цикл: тезис генерируется, подтверждается и легализуется людьми, работающими в одном понятийном поле.

Когда адвокаты пытаются пробить брешь в «Монолите», запрашивая вызов независимых экспертов или назначение повторной экспертизы в другом регионе, они сталкиваются со стандартным набором юридических фильтров.

Типичные формулировки отказов в вызове независимых религиоведов:

«Компетенция эксперта подтверждена документально». Суд указывает, что раз эксперт назначен следователем и имеет диплом, его выводы заслуживают доверия.

«Отсутствие противоречий в представленном заключении». Суд отказывает в вызове специалиста, который мог бы указать на эти противоречия, аргументируя это тем, что противоречия якобы отсутствуют.

«Ходатайство направлено на затягивание судебного разбирательства». Любая попытка проверить научную обоснованность обвинения может быть представлена как процессуальная диверсия.

«Нецелесообразность назначения повторной экспертизы». Суды нередко мотивируют это тем, что уже проведенная экспертиза достаточна, а дополнительные исследования не изменят сути дела.

Так реализуется стратегия отсекающей альтернативы. В суде создается вакуум, в котором звучит только один голос — голос «Монолита».

Для человека, оказавшегося на скамье подсудимых, судебное заседание превращается в сюрреалистический спектакль. Представьте себе подсудимого — назовем его Андреем. Он всю жизнь читал священные тексты, помогал соседям и никогда не призывал к насилию.

И вот он сидит в «аквариуме», слушая, как человек в строгом костюме зачитывает заключение. Эксперт утверждает, что фраза в брошюре Андрея — «Мы должны стремиться к познанию Бога» — содержит скрытый призыв к разрушению семьи и превосходству над теми, кто Бога не познает.

Андрей смотрит на судью, надеясь встретить взгляд живого человека, способного отличить метафору от экстремизма. Но судья не смотрит на Андрея. Судья смотрит в материалы дела, где уже лежит готовая экспертиза. В этот момент Андрей осознает страшную вещь: правда здесь никого не интересует. Суд — это не поиск истины, а процедура подтверждения диагноза, поставленного «Монолитом». Его слова, ссылки на контекст, историю религии и здравый смысл — всё это рискует превратиться в белый шум, который не попадет в итоговую логику приговора.

Он понимает, что перед ним не правосудие, а промышленный пресс. Экспертиза — это чертеж, согласно которому этот пресс должен опуститься на его жизнь.

Государство в государстве

РАЦИРС и связанные с ним экспертные круги сформировали внутри российской системы государственно-конфессиональных отношений особую зону влияния — неформальную экспертно-идеологическую сеть, претендующую на право определять, какая религиозность является «нормальной», а какая — «опасной».

Фактически эта сеть претендует на монопольное толкование истины в вопросах совести: она навязывает государству и обществу специфическую повестку, где религиозная инаковость всё чаще описывается языком угрозы, девиации и безопасности.

«Монолит» опасен не только для верующих меньшинств. Он опасен для самого государства, так как разрушает основы научного познания и правовой логики. Когда вместо лингвистического анализа мы получаем идеологическое клеймо, а вместо судебного процесса — ритуал подтверждения экспертного доноса, право перестает существовать, превращаясь в инструмент чистого подавления.

Изучение этого процесса показывает: чтобы разрушить систему репрессий, необходимо прежде всего разрушить монополию на экспертизу. Пока «Монолит» остается целым, любой человек, чьи мысли не укладываются в утвержденный антисектантской сетью стандарт, остается потенциальной жертвой этого бесперебойного конвейера.

5.5. Кузница приговоров: как антисектантское лобби «перепрошивает» правоохранительную систему

Профессиональная деформация следователя — процесс естественный и во многом неизбежный. Годы работы с криминалом вырабатывают привычку искать во всем скрытый мотив и злой умысел. Однако в современной России этот процесс перестал быть стихийным. В последние десятилетия мы наблюдаем целенаправленную интеллектуальную интервенцию в правоохранительные органы, где на место юридической беспристрастности всё чаще приходит идеологическая заряженность.

Центральную роль в этой «перепрошивке» системы играют структуры, связанные с РАЦИРС. Через сеть семинаров, лекций и методических пособий антисектантское лобби формирует у сотрудников МВД, ФСБ, Росгвардии и других ведомств специфическую оптику, через которую любая нетрадиционная религиозность видится не как реализация конституционного права, а как потенциальный заговор против государства.

Кафедра сектоборчества: от курсантов до генералов

География этой экспансии впечатляет. Одной из заметных площадок стали образовательные учреждения правоохранительной системы, где представители антисектантского движения выступали перед курсантами, слушателями и действующими сотрудниками. Протоиерей Александр Новопашин, вице-президент РАЦИРС и один из наиболее активных критиков «сект», на протяжении многих лет участвовал в лекциях, семинарах и мероприятиях, посвященных «деструктивным культам» и угрозам духовной безопасности.

Это не просто факультатив. Это закладка фундамента: молодым людям, еще не имеющим практического опыта правоприменения, внушается, что мир за пределами официально признанных конфессий населен «деструктивными элементами». Когда такой курсант через пять лет придет на обыск к последователю мирного, но «неправильного» учения, он будет видеть не гражданина, а «врага», о котором его предупреждали на лекциях проводимых антикультовыми активистами.

Новопашин и его коллеги не ограничиваются студентами. Их аудитория — действующие офицеры высшего и среднего звена, МВД и Росгвардия. Семинары на тему «деструктивных организаций как угрозы личности, семье, обществу и государству» стали частью более широкого поля профилактических мероприятий. В разных регионах силовики, педагоги и чиновники собираются, чтобы послушать о «враждебном влиянии» религиозных групп.

ФСИН России. Особое внимание уделяется пенитенциарной системе. Здесь антисектантская риторика может использоваться для оправдания усиленного контроля над верующими заключенными, которых заранее описывают как «потенциальных экстремистов».

Секты и «оранжевые революции»: политизация дискурса

Главный инструмент «перепрошивки» — связка религиозной деятельности с государственной безопасностью. В риторике Новопашина и других представителей антисектантского движения неоднократно звучал тезис о связи «сектантства» с технологиями политической дестабилизации и «оранжевых революций».

В рамках этой логики религиозные группы перестают быть объектом изучения социологов или религиоведов. Они переводятся в плоскость политического сыска. Темы вроде «Сектанты и революция» или «Секты как антигосударственное явление» не оставляют места для дискуссии. Правоохранителям внушается, что: любая «секта» может управляться из-за рубежа; конечной целью такой группы может быть вербовка адептов для участия в массовых беспорядках; проникновение «сектантских элементов» в силовые структуры следует воспринимать как угрозу.

Такая подача материала эксплуатирует главные страхи системы. Если следователь верит, что перед ним не просто человек, читающий Библию в частном доме, а «агент влияния», готовящий «Майдан», он будет действовать с особой жесткостью, игнорируя процессуальные тонкости и презумпцию невиновности.

Разрушение правового государства: почему это опасно?

Почему обучение силовиков у «сектоведов» из РАЦИРС является угрозой для правовой системы?

Во-первых, это уничтожает принцип беспристрастности. Правоохранительная система по определению должна быть светской и нейтральной. Когда обучение сотрудников полиции берет на себя представитель конкретной религиозной организации или структуры, выражающей интересы одной конфессионально окрашенной антисектантской позиции, происходит сращивание аппарата принуждения с теологической нетерпимостью. Государство начинает карать за «ересь», маскируя её под «экстремизм».

Во-вторых, происходит подмена юридических понятий идеологическими конструктами. В Уголовном кодексе нет понятия «секта». Это оценочный, ненаучный термин с ярко выраженной негативной окраской. Однако, впитав его на семинарах, следователи начинают использовать подобную лексику в официальных документах: постановлениях о возбуждении дел, протоколах допросов, обвинительных заключениях. Объективная реальность подменяется мифологией «сектоборцев».

Когда эксперт-сектовед приходит в аудиторию к следователям, он приносит с собой не только знания, но и фильтры. Он учит их не столько тому, как искать преступление, сколько тому, как интерпретировать законное поведение как потенциально преступное.

Симбиоз: лектор — следователь — эксперт

Стратегическое коварство этой системы заключается в ее замкнутости. Сначала антисектантское лобби «обучает» следователя, формируя у него запрос на репрессии. Затем, когда дело возбуждено, тот же самый следователь обращается за экспертизой к людям из той же идеологической среды.

Это идеальный цикл производства приговоров. Лекции Новопашина, Дворкина и их единомышленников создают общую систему координат. В этой системе экспертное заключение от антисектантского специалиста воспринимается не как мнение частного лица, а как истина в последней инстанции, подтвержденная авторитетом «учителя».

Результат этой «перепрошивки» мы видим в залах судов: обыски, напоминающие штурм террористической ячейки, у людей, чья «вина» заключается в совместном чаепитии, молитве или чтении религиозных текстов; обвинительные заключения, в которых используются методички 90-х годов о «промывке мозгов»; судьи, которые принимают всерьез разговоры об «угрозе национальной безопасности» со стороны пятидесятников, Свидетелей Иеговы или иных мирных религиозных групп.

Правоохранительная система, призванная защищать права граждан, под влиянием антисектантского лобби превращается в инструмент религиозной сегрегации. Семинары и лекции «сектоведов» — это не просвещение, а интеллектуальный яд, который парализует способность системы к критическому анализу и превращает офицеров закона в инквизиторов XXI века.

5.6. Медийная мясорубка

Чтобы машина государственных преследований могла работать без сбоев, общество должно не просто соглашаться с насилием, оно должно его требовать. Для этого включается механизм, который социологи называют «моральной паникой», а на языке политических технологий — «конвейером по производству врагов».

Термин «моральная паника» был введен социологом Стэнли Коэном для описания ситуации, когда какая-то группа людей или явление объявляется угрозой общественным ценностям и интересам. Это состояние массового страха, который раздувается СМИ, политическими элитами и моральными предпринимателями.

В контексте деятельности Александра Дворкина и РАЦИРС моральная паника вокруг «тоталитарных сект» выполняет три важнейшие функции.

Стигматизация: превращение обычных граждан — соседей, коллег, врачей, учителей — в «чужих», опасных элементов.

Легитимация насилия: создание условий, при которых нарушение конституционных прав верующих воспринимается как «защита общества и семьи».

Формирование социального заказа: давление на следствие и суд, которые рискуют оказаться под подозрением в «пособничестве сектантам», если не поддержат обвинительную линию.

Этот конвейер работает по узнаваемому сценарию. Сначала в эфир выходит скандальный «документальный» фильм-расследование на федеральном канале. Через неделю — ток-шоу с участием «экспертов». Еще через месяц — проверки, обыски и аресты. СМИ создают иллюзию чрезвычайного происшествия там, где годами существовала мирная община.

Суггестивные приемы ТВ: как нас заставляют бояться

Федеральные каналы используют целый арсенал суггестивных, внушающих приемов, чтобы заблокировать критическое мышление зрителя и внедрить в его сознание образ врага.

Акустический террор. Закадровый текст часто сопровождается тревожной музыкой — низкочастотным гулом или диссонирующими звуками, которые на эмоциональном уровне вызывают чувство опасности. Голос диктора намеренно переходит на шепот в «страшных» местах, создавая иллюзию приобщения к опасной тайне.

Визуальные фильтры и «шпионская» съемка. Кадры мирных богослужений затемняются, на них накладываются фильтры грязного цвета. Использование скрытой камеры или имитация таковой создает ощущение, что зритель заглядывает в логово преступников. Даже если на видео люди просто читают Библию или поют песни, ракурс «из-за угла» превращает это в «подпольную сходку».

Монтажные склейки и эффект Кулешова. Кадр с улыбающимся верующим сменяется кадром кладбища, шприца или пачек денег. Мозг зрителя автоматически выстраивает причинно-следственную связь: «секта — смерть — наркотики — грабеж», хотя фактических доказательств этой связи в сюжете нет.

Анонимные «пострадавшие». Главным героем сюжета становится человек с измененным голосом и лицом, скрытым в тени. Он рассказывает леденящие душу истории о «психологическом давлении» и «потере квартиры». Проверить эти слова трудно, но статус «секретного свидетеля» на экране придает им вес истины в последней инстанции.

Главный «архитектор» паники: эксперт в кадре

Центральное место в этой «мясорубке» занимает Александр Дворкин. Его появление на экране — не случайность, а системный элемент репрессивной схемы. Дворкин выступает не как нейтральный ученый-религиовед, а как «моральный предприниматель».

Моральный предприниматель — это человек или группа, которая берет на себя роль «спасителя общества», определяя, что является добром, а что — абсолютным злом, и требуя от государства карательных мер против тех, кто под это определение не подходит.

Дворкин и его соратники по РАЦИРС снабжают медиа-конвейер экспертной легитимностью. Когда зритель видит в титрах подпись «профессор» или «эксперт по сектам», он перестает сомневаться в достоверности транслируемого ужаса.

Медийная мясорубка — это не просто развлечение для скучающей аудитории. Это создание преюдиции в общественном сознании.

Когда федеральный канал выпускает серию сюжетов о «секте-убийце», прокуратура получает удобный повод для проверки. Судья, который завтра будет рассматривать иск о запрете этой организации, уже мог видеть вечерние новости. Он знает: если он не запретит «секту», о которой «кричит все телевидение», его самого могут обвинить в мягкости, коррупции или отсутствии патриотизма.

РАЦИРС выступает здесь в роли моста между пропагандой и репрессией. Тезисы, озвученные в эфире, затем могут переключиваться в религиоведческие экспертизы, которые пишутся для следствия. Медийная конструкция, подкрепленная авторитетом «эксперта», становится основой для реальных административных и уголовных последствий.

Конвейер в действии: пример Свидетелей Иеговы

Кампания против Свидетелей Иеговы стала одним из наиболее показательных примеров соединения медийной стигматизации, экспертной риторики и судебного запрета. За несколько лет до официального запрета федеральные каналы начали системную информационную кампанию.

Фильмы и сюжеты с тревожными названиями выходили регулярно. В них использовались описанные выше приемы: скрытые камеры, тревожная музыка, анонимные «пострадавшие», участие Дворкина и других антисектантских экспертов, подчеркивавших «антигосударственный характер» организации. Зрителю внушали, что эти люди — не просто верующие, а «пятая колонна», «агенты влияния Запада» и скрытая угроза обществу.

К моменту подачи иска в Верховный суд моральная паника достигла высокого уровня. Общество было подготовлено к тому, что сотни тысяч их сограждан в один день окажутся вне закона. В 2017 году Верховный суд РФ признал Управленческий центр Свидетелей Иеговы и местные организации экстремистскими, ликвидировал их и запретил деятельность. После этого последовали массовые обыски, уголовные дела и реальные сроки лишения свободы за продолжение религиозной практики, которую сами верующие считают мирным богослужением.

Медийный конвейер моральной паники — это первая стадия экспертной репрессии. Без Александра Дворкина и структур РАЦИРС федеральные каналы не имели бы «научного» обоснования для своей травли. Без федеральных каналов экспертизы РАЦИРС выглядели бы куда более спорными документами. Вместе же они образуют мясорубку, которая перемалывает судьбы людей, превращая право на свободу совести в опасную иллюзию.

Репрессия в современной России начинается не с ордера на арест. Она начинается с включенного телевизора, в котором «эксперт» со знакомым лицом в очередной раз объясняет, кого сегодня нужно ненавидеть.

5.7. Интернационал антисектантства: РАЦИРС, FECRIS и экспорт репрессий

Для стороннего наблюдателя деятельность Александра Дворкина и его структуры РАЦИРС долгое время казалась сугубо внутренним, «почвенническим» продуктом — своеобразным симбиозом православного фундаментализма и постсоветской подозрительности к иностранному влиянию. Однако при более глубоком анализе обнаруживается, что российское сектоведение не существует в изоляции. Оно связано с международным антикультовым движением, одним из ключевых узлов которого является FECRIS — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве.

Связка с FECRIS была для Дворкина не просто вопросом престижа; она стала важным элементом внешней легитимации. Внутри России Дворкина часто упрекали в отсутствии профильного академического образования и предвзятости. Чтобы парировать эти обвинения, ему требовался статус, который нельзя было легко оспорить в региональном суде где-нибудь в Сибири или на Урале. Став вице-президентом FECRIS в 2009 году, он получил международный статус. Теперь он мог выступать перед следователями и чиновниками не только как представитель церковной кафедры, но и как один из руководителей европейской антикультовой организации. Это превращало его частное и идеологически окрашенное мнение в «транслируемый европейский опыт».

Этот механизм работал эффективно. Когда РАЦИРС требовалось обосновать запрет очередной религиозной группы, они ссылались на «общеевропейскую практику», упакованную в документы, конференции и международные связи FECRIS. В свою очередь, FECRIS могла использовать данные, предоставленные российскими партнерами, представляя их как информацию из России. Возникла петля самоподтверждения: российские практики легитимизировались через европейскую организацию, а европейские отчеты наполнялись фактурой, полученной от российских антикультовых структур.

Центральное место в этой архитектуре занимает концепция антикультизма. В отличие от классического религиоведения, которое изучает веру как социокультурный феномен, антикультизм — это идеологическая доктрина, априори рассматривающая новые религиозные движения как потенциально криминальные, манипулятивные или патологические структуры.

Антикультизм не ищет истину; он ищет признаки «деструктивности» по заранее составленным спискам. В рамках этой идеологии любая группа, не входящая в число «традиционных», может быть объявлена «тоталитарной сектой» — термином, не имеющим юридического определения, но обладающим огромным репрессивным потенциалом.

Корни этого явления уходят в специфический французский контекст. В разные периоды FECRIS получала значительную часть финансирования из французских государственных источников, что становилось предметом критики со стороны правозащитников и исследователей свободы совести. Поэтому FECRIS трудно описывать как полностью независимую неправительственную структуру: ее деятельность находится на пересечении общественного антикультового движения и государственной политики Франции в сфере борьбы с «сектантскими отклонениями».

Во Франции антисектантский дискурс вырос из радикальной интерпретации принципа *laïcité* — светскости. Здесь мы сталкиваемся с феноменом секулярного радикализма: формой государственного мировоззрения, при которой борьба за «чистоту светского пространства» может превращаться в охоту на «опасные» формы духовности. Секулярный радикализм подменяет свободу совести правом государства на психологическую опеку над гражданином: предполагается, что человек «недостаточно свободен» в своем выборе веры, и государство обязано «спасти» его от влияния «культов».

Однако деятельность РАЦИРС и FECRIS не ограничилась границами России. Мы наблюдаем феномен, который правозащитники называют трансграничной репрессией: идеологические клише и карательные практики переносятся из одной юрисдикции в другую для подавления общих «врагов». Методические подходы Дворкина и связанных с ним структур использовались в контактах с представителями Беларуси, Казахстана и других постсоветских государств. Антикультовый язык распространялся по каналам СНГ: если организация признавалась «экстремистской» в России на основании экспертизы, её филиалы и сторонники в соседних республиках также попадали под повышенное внимание.

РАЦИРС в этом контексте выступала как экспортный хаб для технологий подавления религиозного инакомыслия, создавая единое пространство подозрительности на евразийском пространстве.

Критическое осмысление этой деятельности пришло и со стороны международных правозащитных структур. В 2020 году Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) критически описывала роль антикультовых организаций, включая FECRIS и связанные с ней структуры, в формировании риторики, которая может использоваться государствами для давления на религиозные меньшинства. Особенно важным в этом контексте является то, что российская РАЦИРС, связанная с Дворкиным, использовала международные антикультовые связи как элемент внешней легитимации своей позиции.

Особенно ярко деструктивная роль этого «Интернационала» проявилась в гонениях на Свидетелей Иеговы и последователей движения Фалуньгун. В случае Свидетелей Иеговы антикультовая риторика использовалась в России для оправдания запрета, ликвидации организаций и последующих уголовных преследований. В случае Фалуньгун похожая антикультовая риторика использовалась китайскими властями для оправдания жесткого подавления движения.

Таким образом, вскрывается главная ложь сектоведческой машины: она никогда не была ни полностью научной, ни полностью независимой. Это сложная международная сеть, где французская государственная политика, российские силовые интересы, постсоветская подозрительность и старые методы контроля сплелись в единый инструмент. Экспорт репрессий стал возможен благодаря тому, что Дворкину и его союзникам удалось продать государству страх перед «непонятными иными», упаковав этот страх в респектабельную обертку международного признания.

Но за визитными карточками вице-президентов, глянцевыми отчетами конференций и словами о «защите жертв культов» скрывается одна и та же реальность: разрушенные семьи, конфискованное имущество, уголовные дела и судьбы тысячи людей, чья единственная вина заключалась в том, что их вера не прошла цензуру Интернационала антисектантства.

Заключение

Сегодня перед обществом стоит фундаментальный вопрос: в какой правовой и нравственной реальности мы хотим жить?

Будет ли это общество, где свобода совести признается неотъемлемым правом человека, а закон защищает возможность быть другим — верить иначе, мыслить иначе, жить вне навязанных идеологических шаблонов? Или это будет общество контроля, где «эксперт» получает право определять границы допустимой веры, допустимой мысли и допустимой идентичности?

Проблема псевдоэкспертиз выходит далеко за рамки религиозной тематики. Речь идет не только о судьбе отдельных общин, движений или верующих меньшинств. Речь идет о самом механизме подмены права идеологической интерпретацией. Когда экспертное заключение перестает быть инструментом научного анализа и превращается в заранее подготовленную форму обвинения, разрушается основа правосудия. Суд перестает искать истину и начинает подтверждать уже заданную версию.

Экспертиза как инструмент репрессии — это симптом глубокой болезни системы. Но осознание диагноза — первый шаг к сопротивлению этой болезни. Если сегодня общество позволяет сомнительным экспертным заключениям уничтожать «сектантское» меньшинство, завтра тот же инструмент может быть использован против любого: художника, ученого, журналиста, общественного активиста, политического оппонента или просто человека, чья жизнь окажется недостаточно удобной для системы.

Свобода совести — это не узкое право верующих. Это лакмусовая бумажка свободы всего общества. Там, где государство начинает решать, какая вера «правильная», какая мысль «безопасная», а какая форма духовного поиска «социально опасна», неизбежно исчезает пространство личной автономии. Следом исчезают свобода слова, свобода объединений, научная независимость и сама возможность гражданского достоинства.

Настоящая наука всегда оставляет место для сомнения, проверки, дискуссии и пересмотра выводов. Репрессивная «экспертиза» знает ответ заранее. Она не исследует реальность, а подгоняет ее под нужную квалификацию. Она не защищает общество, а создает врага, которого затем можно преследовать от имени общественной безопасности.

Будущее остается открытым. Ответ на главный вопрос пишется сегодня — в залах судов, в кабинетах следователей, в экспертных заключениях, в университетских аудиториях, в редакциях СМИ и в сознании каждого человека, который сталкивается с языком ненависти, но отказывается принимать его за истину.

Мы должны решить, что выбираем: право на личную совесть или удобную тюрьму под присмотром «дипломированных» идеологов; правосудие или ритуал обвинения; науку или имитацию науки; человека или ярлык, приклеенный к нему системой.

Свобода начинается с отказа верить лжи — даже тогда, когда эта ложь написана канцелярским языком, заверена печатью и облачена в мантию эксперта.

Список литературы и источников

1. ACT Files Supporters. (2025, December 1). Экспертиза как инструмент террора. Часть 3. <https://actfiles-supporters.org/ekspertiza-kak-oruzhie-terrora-chast-3/>
2. Amnesty International. (2017, May 11). Russian Federation: Ban on Jehovah's Witnesses is an assault on freedom of assembly and conscience (Index No. EUR 46/6229/2017). <https://www.amnesty.org/en/documents/eur46/6229/2017/en/>
3. Amnesty International. (2019, February 27). Amnesty International призвала власти России эффективно расследовать обвинения в пытках Свидетелей Иеговы из Сургута. <https://www.amnesty.org/ru/latest/news/2019/02/amnesty-prizvala-vlasti-rossii-effektivno-r/>
4. Amnesty International. (2019, February 28). Russia: Three Jehovah's Witnesses at risk of torture: Sergei Loginov, Artur Severinchik and Yevgeniy Fedin (Index No. EUR 46/9943/2019). <https://www.amnesty.org/en/documents/eur46/9943/2019/en/>
5. Amnesty International. (2019, May 3). Russia: Further information: Stop prosecution of Jehovah's Witnesses: Artur Severinchik, Yevgeniy Fedin and Sergei Loginov (Index No. EUR 46/0306/2019). <https://www.amnesty.org/en/documents/eur46/0306/2019/en/>
6. Arendt, H. (2017). The origins of totalitarianism. Penguin Classics. Original work published 1951.
7. BBC News Русская служба. (2019, 6 марта). «Я думал, что здесь же умру»: рассказы свидетелей Иеговы, которые заявили о пытках. <https://www.bbc.com/russian/media-47460979>
8. Berger, P. L., & Luckmann, T. (1966). The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge. Anchor Books.
9. Bloody Harvest. Bloody Harvest: The killing of Falun Gong for their organs. <https://bloodyharvest.info/>
10. Cohen, S. (2011). Folk devils and moral panics: The creation of the Mods and Rockers (3rd ed.). Routledge. Original work published 1972.
11. European Commission for Democracy through Law. (2016). Russian Federation: Opinion on Federal Law No. 129-FZ on amending certain legislative acts (Federal Law on undesirable activities of foreign and international non-governmental

- organisations) (CDL-AD(2016)020). Council of Europe.
[https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2016\)020-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2016)020-e)
12. Forum 18. (2026, June 25). Ukraine: Conscientious objector's violent death at military base "being covered up"?
https://www.forum18.org/archive.php?article_id=3055
13. Gutmann, E. (2014). The slaughter: Mass killings, organ harvesting, and China's secret solution to its dissident problem. Prometheus Books.
14. Human Rights Watch. (2017, April 20). Russia: Court bans Jehovah's Witnesses.
<https://www.hrw.org/news/2017/04/20/russia-court-bans-jehovahs-witnesses>
15. Human Rights Watch. (2018, June 28). Russia: Sweeping arrests of Jehovah's Witnesses. <https://www.hrw.org/news/2018/06/28/russia-sweeping-arrests-jehovahs-witnesses>
16. Human Rights Watch. (2019, February 6). Russia: Jehovah's Witness convicted.
<https://www.hrw.org/news/2019/02/06/russia-jehovahs-witness-convicted>
17. Human Rights Watch. (2020, January 9). Russia: Escalating persecution of Jehovah's Witnesses: Arrests, prison, harassment for peaceful religious practice.
<https://www.hrw.org/news/2020/01/09/russia-escalating-persecution-jehovahs-witnesses>
18. JW Russia. Барановская Валентина. Retrieved June 27, 2026, from <https://jw-russia.org/prisoners/baranovskaya.html>
19. JW Russia. Поляков Сергей. Retrieved June 27, 2026, from <https://jw-russia.org/prisoners/poliakov.html>
20. JW Russia. Свидетели Иеговы в России. <https://jw-russia.org/>
21. JW Russia. Верующие, ставшие жертвами уголовного преследования.
<https://jw-russia.org/prisoners.html>
22. JW Russia. Новости. <https://jw-russia.org/news.html>
23. JW Russia Video. (2019, 23 февраля). Пытки Свидетеля Иеговы в Сургуте. Евгений Кайряк [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=B-JDAEUq5BI>
24. JW Russia Video. (2019, 28 марта). Шестеро Свидетелей Иеговы рассказывают о пытках в здании Следственного комитета в Сургуте [Video]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=vQjPJb4O_IE

25. JW Russia. (2021, 21 октября). В Сургуте начинается суд по делу против 19 Свидетелей Иеговы, 6 из которых подвергались пыткам во время допроса.
<https://jw-russia.org/news/2021/10/211504.html>
26. Kilgour, D., & Matas, D. Bloody Harvest: Revised report into allegations of organ harvesting of Falun Gong practitioners in China. Retrieved June 27, 2026, from <https://bloodyharvest.info/>
27. Li, H. (2014). Zhuan Falun. Falun Dafa.
<https://falundafa.org/eng/eng/pdf/ZFL2014.pdf>
28. Mail.ru Новости. (2025, 3 июля). Как живет «Город Солнца» после приговора Виссариону. <https://news.mail.ru/society/66842845/>
29. Novaya Gazeta. (2022, 11 февраля). Жемчуг и ересь. Как политолог, переводчик и математичка признали экстремистским Священное Писание.
<https://novayagazeta.ru/articles/2022/02/11/zhemchug-i-eres>
30. Protestant.ru. (2009, 8 сентября). Всю власть — борцу с «тоталитарными сектами» Дворкина.
<https://www.protestant.ru/news/politics/inrussia/article/62699>
31. Religious Freedom Watch. Александр Дворкин как антирелигиозный тип. Retrieved June 27, 2026, from <https://religiousfreedomwatch-ru.org/>
32. World Organization to Investigate the Persecution of Falun Gong. Uphold justice. Retrieved June 27, 2026, from <https://www.upholdjustice.org/>
33. Верховский, А. (2007, 10 сентября). Антиэкстремистское законодательство и его применение. СОБА. <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2007/09/d11533/>
34. Верховский, А. (2013). Противодействие «религиозному экстремизму»: российское государство в поисках ответов на вызовы десекуляризации. Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 31(2), 134–158.
https://www.intelros.ru/pdf/GosRelTserkov/2013_2/5.pdf
35. Верховский, А., & Кравченко, М. (2016, 2 марта). Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2015 году. СОБА. <https://www.sova-center.ru/misuse/publications/2016/03/d33946/>
36. Виссарион. (2022, 30 октября). Сравнение выводов экспертиз.
<https://vissarion.org/uncategorized/sravnenie-vyvodov-jekspertiz/>
37. Виссарион. «Сектовед» глазами «сектанта». Retrieved June 27, 2026, from <https://vissarion.org/cases/crime-founders/sektoved-glazami-sektanta/>

38. Дворкин, А. Л. (2002). Сектоведение. Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования. Издательство Братства во имя св. князя Александра Невского.
39. Дела.ру. (2022, 24 октября). Краевой суд ликвидировал созданную Виссарионом Церковь Последнего Завета. <https://dela.ru/news/276738/>
40. Заякин, А. (2021, 19 ноября). Подвести под ликвидацию. Чем знамениты учительница Крюкова и переводчик Тарасов — «эксперты», требующие уничтожения «Мемориала». Новая газета. <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/19/podvesti-pod-likvidatsiiu>
41. Информационно-консультационный центр св. Ирины Лионского. Главная. Retrieved June 27, 2026, from <https://iriney.ru/>
42. Красноярский рабочий. (2022, 4 декабря). Курагинская Церковь Последнего Завета остаётся законной организацией. <https://krasrab.ru/news/stati/27585>
43. Лункин, Р. Н. Процессы над верующими в России: интерес к религии сменился обвинениями в безумии. Keston Institute. Retrieved June 27, 2026, from <https://www.keston.org.uk/rr/53/01-lunkin-about-pressure.htm>
44. Лункин, Р., Загребин, И. (2017). Религия и право в современной России. НП «Гильдия экспертов по религии и праву»; ИД «Юриспруденция».
45. Лункин, Р. Кампания против религиозного меньшинства: опасная игра на чувствах верующих. JW Russia. Retrieved June 27, 2026, from <https://jw-russia.org/docs/285.html>
46. Лункин, Р. (2015, 10 июня). Р. Лункин о политике в отношении Свидетелей Иеговы: «Это игра в кошки-мышки». СОБА. <https://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/06/d32160/>
47. Лункин, Р. Н. (2011). Религиозный фактор в жизни современной России: Эксперты об экстремизме. Современная Европа, 4, 132–136. <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-faktor-v-zhizni-sovremennoy-rossii-eksperty-ob-ekstremizme>
48. Медиазона. (2022, 11 июля). В Сургуте прошли обыски у «Свидетелей Иеговы», которые в 2019 году рассказывали о пытках при задержании. <https://zona.media/news/2022/07/11/svidetely>

49. Мемориал. Поддержка политзаключённых. Поддержка политзаключённых. Мемориал. Retrieved June 27, 2026, from <https://memorzka.org/>
50. Новикова, О. В. (2024, 7 мая). Открытое письмо ко всем гражданам России. Проза.ру. <https://proza.ru/2024/05/07/1782>
51. ОВД-Инфо. Материалы по Свидетелям Иеговы. <https://ovd.info/>
52. ОВД-Инфо. (2019, 21 февраля). «Поливали задний проход и вставляли электрошокер»: адвокат о пытках «Свидетелей Иеговы». <https://ovd.info/articles/2019/02/21/polivali-zadniy-prohod-i-vstavlyali-elektroshoker-advokat-o-pytках-svideteley>
53. ОВД-Инфо. (2022, 20 октября). «Самый счастливый человек в тюрьме». История датчанина, отсидевшего срок в России за причастность к Свидетелям Иеговы. <https://ovd.info/articles/2022/10/20/samyu-schastlivyy-chelovek-v-tyurme-istoriya-datchanina-otsidevshego-srok-v>
54. ОВД-Инфо. (2025, 20 июня). Осужденного Свидетеля Иеговы регулярно водворяют в ШИЗО, где нет доступа к питьевой воде. <https://ovd.info/express-news/2025/06/20/osuzhdenного-svidetelya-iegovy-regulyarno-vodvoryayut-v-shizo-gde-net>
55. Полухина, Ю., Одиссонова, В. (2019, 2 марта). Свидетели и палачи. За что и как пытали членов запрещенной религиозной организации. Новая газета. <https://novayagazeta.ru/articles/2019/03/02/79746-svideteli-i-palachi>
56. Президентский совет по развитию гражданского общества и правам человека. (2015, 15 июля). Александр Верховский: «Если систематически применять антиэкстремистские законы, то сядут все». http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/aleksandr_verkhovskiy_esli_sistematicheski_primenyat_antiekstremistskie_zakony_to_syadut_vse/
57. Радио Свобода. (2020, 30 ноября). В Омске суд приговорил Свидетеля Иеговы к трём годам колонии. <https://www.svoboda.org/amp/30975828.html>
58. Радио Свобода. (2019, 24 февраля). Последователь Свидетелей Иеговы рассказал о его пытке в СК Сургута. <https://www.svoboda.org/a/29787482.html>
59. Радио Свобода. (2020, 30 ноября). В Омске суд приговорил Свидетеля Иеговы к трём годам колонии. <https://www.svoboda.org/amp/30975828.html>
60. Рувики. Судебный процесс над «Бхагавад-гитой как она есть». In Рувики. Retrieved June 27, 2026, from

https://ru.ruwiki.ru/wiki/Судебный_процесс_над_«Бхагавад-гитой_как_она_есть»

61. СОВА. (2019, 20 февраля). Свидетели Иеговы пожаловались на пытки в Сургуте. [https://www.sova-](https://www.sova-center.ru/religion/news/harassment/intervention/2019/02/d40675/)

[center.ru/religion/news/harassment/intervention/2019/02/d40675/](https://www.sova-center.ru/religion/news/harassment/intervention/2019/02/d40675/)

62. Стрелков, Д. (2019, 25 февраля). «Стали ударять током и душить пакетом». Подозреваемый в принадлежности к «Свидетелям Иеговы» в ХМАО рассказал о пытках в сургутском Следкоме. 7×7 — Горизонтальная Россия.

<https://semnasem.org/articles/2019/02/25/stali-udaryat-tokom-i-dushit-paketom-podozrevaemyj-v-prinadlezhnosti-k-svidetelyam-iegovy-v-hmao-rasskazal-o-pytках-v-surgutskom-sledkome>

63. ТКС. (2019, 24 февраля). Задержанный в Сургуте «Свидетель Иеговы» рассказал о пытках в СК.

<https://www.tks.ru/politics/2019/02/24/0001/zaderzhannyij-v-surgute-svidetel-iegovi-rasskazal-o-pytках-v-sk/>

64. Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». (2002, 25 июля). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939>

65. Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». (1997, 26 сентября).

<https://constitution.garant.ru/act/right/171640/>

66. Федеральный закон № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». (2012, 28 декабря).

<https://base.garant.ru/70291034/>

67. Федеральный закон № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». (2015, 23 мая).

<https://base.garant.ru/71035694/>

68. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. (2004). Современная религиозная жизнь России: Опыт систематического описания. Т. I / Отв. ред. М. Бурдо, СБ. Филатов - М.: Логос, 2004. - 328 с. ISBN 5-94010-237-9